

Маршалл Салинз ЭКОНОМИКА КАМЕННОГО ВЕКА Ad Marginem

Marshall Sahlins
Stone Age Economics

Перевод Николая Проценко

Маршалл Салинз

Экономика каменного века

«Ад Маргинем Пресс»

УДК 572+330+39
ББК 28.71+63.442.1+65.03

Салинз М.

Экономика каменного века / М. Салинз — «Ад Маргинем Пресс»,

ISBN 978-5-90-803874-4

«Экономика каменного века» Маршалла Салинза – одна из важнейших книг по современной антропологии, которая сразу после первой публикации в 1972 году принесла ее автору репутацию мэтра. Предприняв амбициозную интерпретацию природы экономической деятельности как культурного феномена, Салинз радикально пересмотрел традиционные представления не только об охотниках и собирателях, но и о первобытном обществе и так называемом натуральном хозяйстве в целом. Именно здесь Салинз обнаружил «первоначальное общество изобилия» – концепцию, которая стала его визитной карточкой в антропологии и на десятилетия вперед определила горизонт дискуссий, давно преодолевших академические рамки. Но, как и полвека назад, гипотеза о том, что первобытные люди, возможно, жили лучше без благ современной цивилизации, сохраняет свою провокативность и заставляет искать ее новые подтверждения или опровержения.

УДК 572+330+39

ББК 28.71+63.442.1+65.03

ISBN 978-5-90-803874-4

© Салинз М.

© Ад Маргинем Пресс

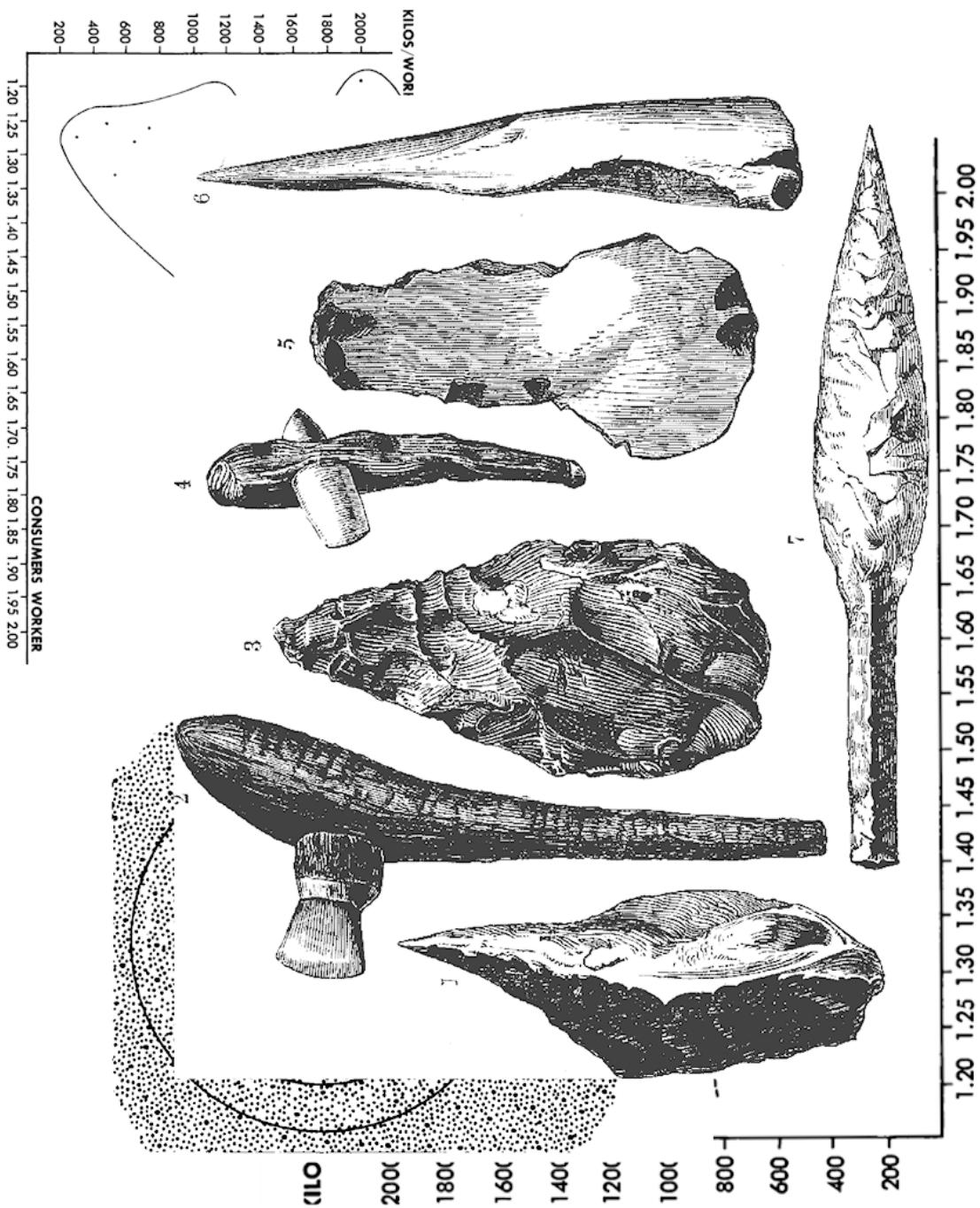
Содержание

Благодарности	7
Введение	8
Изначальное общество изобилия	11
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Маршалл Салинз Экономика каменного века

© Walter de Gruyter GmbH Berlin Boston
© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2026

* * *

*Посвящается Джулии,
Петеру и Элейн*

Благодарности

Автор выражает особую благодарность двум организациям и их великолепным сотрудникам за помощь и предоставленные условия для работы в ключевые моменты исследований и написания этой книги. Речь идет о Центре перспективных исследований в области поведенческих наук (Пало-Альто), где я был стипендиатом в 1963–1964 годах, и Лаборатории социальной антропологии Коллеж де Франс (Париж), где я работал в 1967–1969 годах. Несмотря на то что в последней организации у меня не было официальной должности, ее директор г-н Клод Леви-Стросс оказал мне настолько любезный и щедрый прием, что если когда-нибудь он посетит мои пенаты, мне придется приложить большие усилия, чтобы достойно его отблагодарить.

Значимую поддержку в период подготовки текстов, вошедших в эту книгу, я получил благодаря стипендии Джона Саймона Гуггенхайма в первый год моей работы в Париже (1967–1968) и стипендии Совета по исследованиям в области социальных наук (1958–1961).

Этот период был настолько продолжительным и насыщенным ценными интеллектуальными контактами, что перечислить всех коллег и исследователей, так или иначе повлиявших на ход моей работы, не представляется возможным. Однако среди тех, с кем меня связывают долгие годы дружбы и дискуссий, я хотел бы отдельно упомянуть троих – Ремо Гуидьери, Элмана Сёрвиса и Эрика Вульфа. Их идеи и критика, неизменная моральная поддержка оказали неоценимую помощь и мне лично, и моей работе.

Несколько текстов, вошедших в эту книгу, были полностью, частично или в переводах опубликованы в течение последних нескольких лет. Эссе «Изначальное общество изобилия» было опубликовано в сокращенном виде на французском в журнале *Les Temps Modernes* (No. 268. Oct. 1968. P. 641–680). Первая часть главы 4 была первоначально опубликована под заголовком «Дух дара» в сборнике «Обмены и коммуникации» под редакцией Жана Пуйона и Пьера Марандá (*Echanges et communications* / ed. J. Pouillon, P. Maranda. Hague: Mouton, 1969). Вторая часть главы 4 была опубликована на французском под заголовком «Политическая философия „Очерка о даре“» в журнале *L'Homme* (Vol. 8 (4). 1968. P. 5–17). Статья «О социологии первобытного обмена» была впервые опубликована в книге «Актуальность моделей для социальной антропологии» под редакцией Майкла Бэнтон (The Relevance of Models for Social Anthropology / ed. M. Banton. London: Tavistock (ASA Monographs, 1), 1965). Благодаря всем издателям упомянутых работ за разрешение воспроизвести их в этой книге.

Статья «Дипломатия первобытной торговли», первоначально опубликованная в сборнике «Работы по экономической антропологии» под редакцией Джун Хелм (*Essays in Economic Anthropology* / ed. J. Helm. Seattle: American Ethnological Society, 1965), была для настоящего издания полностью переработана.

Введение

Работы, вошедшие в эту книгу, были написаны в разное время за последние десять лет, некоторые из них – специально для настоящего издания. Все эти тексты были задуманы и собраны под одной обложкой в расчете на антропологическую экономику – иными словами, в противовес интерпретациям, превращающим первобытные (primitive) экономики и общества¹ в разновидность делового предприятия (business-like interpretations). Такой подход неизбежно вписывает мою книгу в контекст продолжающейся антропологической полемики между «формалистскими» и «субстантивистскими» практиками экономической теории.

Споры между формалистами и субстантивистами непрестанно велись в Экономической Науке (Science of Economics)² на протяжении более чем столетия. И всё же у них как будто отсутствует история, поскольку с тех пор, как Карл Маркс дал трактовку фундаментальных проблем экономики в противовес Адаму Смиту, похоже, мало что изменилось (ср.: *Althusser et al., 1966. Vol. 2*). Однако с появлением последней инкарнации экономической теории в форме антропологии дискуссия приобрела новые акценты. Если первоначальной проблемой была «наивная антропология» Экономики, то теперь проблемой является «наивная экономика» Антропологии. Оппозиция «формализм/субстантивизм» свелась к теоретическому выбору из двух альтернатив. С одной стороны – готовые модели ортодоксального Экономикса (в особенности «микроэкономики»), которые воспринимаются как обладающие универсальной действительностью и применимые *grosso modo* [в общих чертах – *лат.*] к первобытным обществам. С другой стороны – необходимость (если мы допускаем, что данная формалистская позиция беспочвенна) выработки нового аналитического подхода, более соответствующего рассматриваемым нами обществам прошлого и интеллектуальной истории Антропологии. В широком смысле это выбор между рассмотрением первобытных экономик как Бизнеса, поскольку формалистский метод неизбежно подразумевает понимание таких экономик как недоразвитых версий нашей современной экономики, и культуралистским исследованием, где действительно принципиально принимать различные общества такими, как они есть.

Здесь не просматривается никаких решений, отсутствуют какие-либо основания для благополучного академического заключения о том, что «ответ лежит где-то посередине». Эта книга написана с субстантивистских позиций, поэтому она обретает привычную структуру, определяемую традиционными категориями субстантивного анализа. Первые эссе – «Изначальное общество изобилия» и «Домашний способ производства» – посвящены производству (второй из этих текстов для удобства разделен на две части, образующие главы 2 и 3, хотя в них последовательно разрабатывается одна и та же линия аргументации). Дальнейшие главы: «Дух дара», «О социологии первобытного обмена», «Меновая ценность и дипломатия первобытной торговли» – посвящены распределению и обмену. Но поскольку в экспозиции одновременно присутствует и оппозиция, в этой последовательности таится и скрытая стратегия дискуссии. В первой главе я принимаю бой на условиях формалистического подхода. В «Изначальном обществе изобилия» не оспаривается общепринятое понимание «экономики» (economy) как соотношения между средствами и целями – достаточно лишь опровержения того, что пер-

¹ Традиционный русский перевод английского термина «primitive» как «первобытный» не вполне точен, поскольку круг «примитивных» обществ, которые анализирует Салинз, гораздо шире, чем собственно «первобытные» общества, ассоциирующиеся с «каменным веком» (см. начало гл. 2). Однако мной было принято решение сохранить такой перевод, поскольку слово «примитивный» в русском языке слишком отягощено пренебрежительными коннотациями, к тому же намек на такое понимание термина «primitive» дает и сам Салинз, использующий в ряде случаев в качестве его синонима слово «archaic» («архаичный»). – *Здесь и далее под цифрами примечания автора, под астерисками – переводчика, если не указано иное.*

² Используя прописные буквы в ряде ключевых терминов, Салинз имитирует стиль письма Томаса Гоббса, в заочной дискуссии с которым разворачивается аргументация «Экономики каменного века» (см. в особенности гл. 4).

вобытны охотники усматривают сколько-нибудь существенное различие между этими категориями. Однако в последующих главах эта предпринимательская и индивидуалистическая концепция экономического объекта решительно отбрасывается. «Экономика» (economy) превращается в культурную, а не поведенческую категорию, становясь явлением одного порядка с политикой или религией, а не с рациональностью или расчетливостью – экономика оказывается не деятельностью отдельных лиц по удовлетворению собственных потребностей, а процессом материальной жизни общества. Далее, в заключительной главе, мы вернемся к ортодоксальной экономической теории, но не к ее *problematique*³, а к связанным с ней проблемам (*problems*). В конечном счете вся эта книга представляет собой попытку применить антропологическую перспективу к тому, чем традиционно занимается микроэкономика, – к объяснению меновой ценности (*exchange value*)⁴.

Несмотря на всё сказанное, задача книги остается скромной – лишь закрепить возможность существования антропологической экономики на нескольких конкретных примерах. Вот что не так давно без видимого сожаления заявил о преждевременном крахе субстантивной экономической теории на страницах журнала *Current Anthropology* один из представителей противоположного лагеря:

Тысячи слов, сказанных впустую в ходе этой дискуссии, не придают ей интеллектуальной весомости. Субстантивисты с самого начала героически заблуждались и ошибались (свидетельством чему – получившие заслуженную известность работы Карла Поляни и других авторов). Поскольку выяснить, в чем именно заключалась ошибка, удалось за каких-то шесть лет, нам приходится отдать должное зрелости экономической антропологии. Аккуратное устранение противоречия выполнил Скотт Кук в работе, написанной им еще в бытность аспирантом (*Cook, 1966*) <...>. Между тем социальная наука представляет собой нечто вроде делового предприятия (*enterprise*) (!), так что отвергнуть плохую, бесполезную или вводящую в заблуждение гипотезу практически невозможно. В связи с этим вполне можно ожидать, что субстантивистское представление об экономике (*economy*) в том или ином виде возродится в следующем поколении путаников высокого полета (*Nash, 1967: 250*).

Моя книга отнюдь не является вторым пришествием и не притязает на нетленность. Как в таком случае ее расценивать? Остается лишь рассчитывать на то, что произошла какая-то ошибка. Не исключено, что слухи о смерти субстантивизма, вспоминая известный афоризм Марка Твена, были сильно преувеличены.

В любом случае я бы воздержался от попыток реанимации методом «рот в рот» в форме методологической дискуссии. В недавних работах по «экономической антропологии» и так полно рассуждений на подобном уровне. Многие выдвигаемые аргументы, на первый взгляд, являются образцами здравого смысла, но в общем зачете каждый лишь остается при собственных исходных предрассудках («Убеждаемый против своей воли остается при собственном мнении»⁵). Разум оказался плохим арбитром. Тем временем публика, которой наскучил этот спор, стремительно покидает аудиторию, так что теперь отдельные его главные участники даже заявляют о готовности самостоятельно взяться за дело. Таким настроем пропитана и эта книга. Как

³ Здесь и далее Салинз использует этот французский термин в специфическом значении «предмет исследования».

⁴ Салинз оказал влияние на формирование отдельной дискуссии о ценности в антропологической теории, нашедшей отражение в работах разных антропологов (подробнее см.: *Graeber D. Toward an Anthropological Theory of Value: The False Coin of Our Own Dreams. Palgrave Macmillan, 2001; Robbins J. Values // The Open Encyclopedia of Anthropology / ed. F. Stein, 2016*). – *Примеч. науч. ред.*

⁵ «He who's convinced against his will / Is of the same opinion still» – строки из сатирической поэмы «Гудибрас» английского поэта Сэмюэла Батлера (1613–1680).

официальный представитель дисциплины, считающей себя наукой, я бы ограничил собственную аргументацию текстами, собранными в этой книге, из убеждения, что они лучше объясняют свой предмет, чем конкурирующий теоретический подход. Именно так выглядит здоровое традиционное решение: пусть расцветают все цветы, а какие из них действительно принесут плоды, покажет будущее.

Впрочем, признаюсь, что эта официальная позиция не является моим глубочайшим убеждением. Сдается мне, что это плетение метафор из понятий естественных наук, рядящихся «социальной наукой», сама эта официальная антропология продемонстрировала столь же мало умения согласовывать теорию с эмпирической адекватностью, как и обосновывать ее логически. В отличие от математики, где «истина и интересы людей не противостоят друг другу», как сказал когда-то Гоббс, в социальной науке нет ничего бесспорного, поскольку социальная наука «сравнивает людей и сует свой нос в их права и выгоды», в результате чего «разум столь же часто выступает против человека, как и человек выступает против разума»⁶. Решающие различия между формализмом и субстантивизмом в том, что касается их приятия – даже не их истинности, – носят идеологический характер. Формальная экономическая теория – эта воплощенная мудрость туземных буржуазных категорий – процветает в качестве идеологии у себя дома и как этноцентризм за его пределами. В отличие от субстантивизма, она черпает громадную силу из своей глубинной сочетаемости с буржуазным обществом – хотя это, однако, не исключает, что конфликт с субстантивизмом может превратиться в противостояние (двух) идеологий.

Вверяя себя Богу и Государю, первые представители научной физики и астрономии, работавшие под сенью устоявшихся церковных догм, знали, что делают. В этой книге я играю на том же противоречии, только на смену одной иллюзии – что догмы окажутся гибкими, – приходит другая: иллюзия справедливости богов. Когда пишешь, политико-идеологические различия между формальным и антропологическим направлениями мысли вполне можно игнорировать, однако от этого они не становятся менее значимыми для результата. Утверждается, что субстантивизм мертв. В политическом смысле – по меньшей мере для определенной части нашего мира – это, возможно, и так: цветок срезали еще бутонем. Но не исключено, что обречена и буржуазная экономическая теория, что историей ей уготовано разделить судьбу того общества, которое ее взрастило. И в том и в другом случае решение будет выносить не та антропология, которая существует сегодня. Антропология достигла как минимум той степени научности, которая позволяет понять, что решение является прерогативой самого общества и тех академических сынов неба, которым вверены его полномочия. Что же касается нас, антропологов, то нам лишь остается возделывать свои сады в ожидании, не прольют ли боги дождь – или, как считается у некоторых племен Новой Гвинеи, просто на нас помочатся.

⁶ Из предисловия к работе Гоббса «Элементы права, естественные и политические» (1640): «От двух главных частей нашей природы – разума и страстей – происходят два вида познания: математическое и догматическое. Первое свободно от противоречий и споров, поскольку заключается лишь в сравнении фигур и движения; здесь истина и интересы людей не противостоят друг другу. Между тем во втором нет ничего бесспорного, поскольку оно сравнивает людей и сует свой нос в их права и выгоды; здесь разум столь же выступает против человека, как и человек выступает против разума».

Изначальное общество изобилия

Если экономика является мрачной наукой⁷, то изучение экономик охотников и собирателей должно быть ее самым мрачным направлением. Авторы различных учебников почти без исключения придерживаются представления о том, что жизнь в эпоху палеолита была тягостной, и наперебой пытаются передать ощущение надвигающейся гибели. В результате нам остается лишь гадать: как же эти охотники умудрились выживать, да и вообще – была ли это жизнь? На страницах этих учебников главным преследователем оказывается не охотник, а призрак голода. Утверждается, что из-за недостатка технических навыков охотники должны были непрерывно трудиться просто ради выживания – они не знали ни передышки, ни излишков (*surplus*), а следовательно, у них совсем не было «досуга» для «создания культуры». К тому же, несмотря на все свои усилия, охотник оказывается наименее эффективным в категориях термодинамики – в сравнении с любым другим способом производства он вырабатывал меньше энергии в расчете на одного человека в год. Наконец, в работах, посвященных экономическому развитию, охотник обречен выступать дурным примером – иллюстрацией так называемой *subsistence economy*⁸.

Расхожие истины всегда упрямы. Им приходится полемически противостоять, диалектически формулировать необходимые коррективы – именно так, если присмотреться, обстояла ситуация и с «изначальным обществом изобилия». Парадоксальным образом эта формулировка приводит к еще одному ценному и неожиданному выводу. Согласно общепринятому мнению, в обществе изобилия все материальные потребности людей легко удовлетворяются. Утверждение, что охотники жили в изобилии, отрицает представление о человеческом уделе как о трагедии, где человек оказывается узником, обреченным на тяжелый труд из-за вечного разрыва между безграничностью своих потребностей и недостатком средств для их удовлетворения.

Дело в том, что к изобилию потенциально ведут две траектории. Потребности можно «легко удовлетворить» увеличением производства или уменьшением собственных желаний. В основе привычного представления об изобилии в духе Гэлбрейта лежат характерные для рыночной экономики допущения: потребности человека огромны – если не сказать бесконечны, – тогда как средства их удовлетворения ограничены, хотя и поддаются усовершенствованию. Таким образом, разрыв между средствами и целями можно сократить при помощи производительности индустриального типа – по меньшей мере до такого уровня, когда «блага первой необходимости» будут в избытке. Однако существует и «дзэнский» путь к изобилию, который исходит из предпосылок, несколько отличающихся от наших: человеческие материальные потребности конечны и немногочисленны, а технические средства неизменны, но в целом адекватны потребностям. Приняв эту дзэнскую стратегию, люди могут наслаждаться беспрецедентным избытком материальных благ – при низком уровне жизни.

Полагаю, это описание вполне применимо и к охотникам, помогая объяснить и странности их экономического поведения вроде «расточительности» – склонности сразу же потреблять имеющиеся запасы, «желая получить от жизни всё». В экономических мотивах охотников нет характерной для рыночной экономики одержимости дефицитом ресурсов, поскольку

⁷ Определение экономики как мрачной науки (*dismal science*) принадлежит шотландскому философу и историку Т. Карлейлю, см.: «Речь по поводу негритянского вопроса» (1849), рус. изд.: Истоки. Экономика – мрачная наука? М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. С. 24–49.

⁸ Буквально: экономика, обеспечивающая средства к существованию; во избежание ассоциаций с «натуральным хозяйством» «*subsistence*» далее переводится как «средства к существованию» или «средства пропитания». Из аналогичных соображений термин «*surplus*» переводится как «излишек» во избежание ассоциаций с «прибавочным продуктом» в марксистском смысле (*нем.* *Mehrprodukt*, *англ.* *surplus product*).

эти мотивы, возможно, более последовательно основаны на изобилии, чем свойственные нам. Дестюг де Траси – пусть он, возможно, и был «буржуазным доктринером с холодной, как у рыбы, кровью», – по меньшей мере заставил Маркса согласиться с наблюдением, что «бедные нации суть те, где людям хорошо живется», тогда как в богатых странах «народ обыкновенно беден»⁹.

Всё сказанное не отрицает, что досельскохозяйственная экономика функционирует в условиях серьезных ограничений, а лишь настойчиво подчеркивает, – опираясь на свидетельства, полученные от современных охотников и собирателей, – что, как правило, происходит успешная адаптация ее субъектов. Рассмотрев эти свидетельства, в конце мы вернемся к реальным сложностям экономики охотников и собирателей, ни одна из которых корректно не представлена в ныне существующих шаблонных утверждениях о том, что люди палеолита жили в нищете.

ИСТОЧНИКИ ЗАБЛУЖДЕНИЯ

«Простая subsistence economy», «ограниченное свободное время, за исключением особых обстоятельств», «постоянный поиск пищи», «скудные и относительно ненадежные» природные ресурсы, «отсутствие экономических излишков», «максимальные усилия максимального количества людей» – именно так выглядят усредненные представления антропологов об охоте и собирательстве. Один из примеров:

Классическим образцом народа с крайне скудными экономическими ресурсами являются австралийские аборигены. Многие места их обитания еще более суровы, чем у бушменов (возможно, за определенным исключением северной части Австралии) <...> Показателен набор продуктов питания, которые аборигены, живущие на северо-западе центральной части Квинсленда, добывают на своей территории <...> Этот список впечатляет разнообразием, но не следует полагать, что разнообразие сигнализирует об изобилии, поскольку каждый представленный в нем продукт имеется в столь незначительном объеме, что выживание оказывается возможным лишь при максимально интенсивном приложении сил (*Herskovits, 1958: 68–69*).

Другая похожая характеристика южноамериканских охотников:

Кочевые охотники и собиратели едва удовлетворяли минимальные потребности в средствах пропитания, а зачастую им было далеко и до этого. Свидетельством тому – плотность их расселения: один человек на 10–20 квадратных миль. Постоянно перемещаясь в поисках пищи, эти люди явно не располагали свободным временем для каких бы то ни было занятий, не связанных с пропитанием, и могли унести с собой лишь немного из того, что, они, возможно, мастерили на досуге. Удовлетворительный объем производства в их случае означал количество, обеспечивающее физическое выживание, а излишки каких-либо продуктов или времени появлялись редко (*Steward and Faron, 1959: 60*; ср.: *Clark, 1953: 27f*; *Hauray, 1962: 113*; *Hoebel, 1958: 188*; *Redfield, 1953: 5*; *White, 1959*).

⁹ Антуан Дестюг (Дестю) де Траси (1754–1836) – французский экономист и общественный деятель, наиболее известен как автор термина «идеология»; цитируемая Салинзом характеристика (*нем. fischblütige Bourgeoisdoktrinär*) содержится в XXII главе «Капитала». Там же Маркс в подборке высказываний экономистов, иллюстрирующих «антагонистический характер капиталистического накопления», приводит такую цитату из сочинения Дестюга де Траси «Трактат о воле и ее проявлениях»: «Бедные нации суть те, где народу хорошо живется, а богатые нации суть те, где народ обыкновенно беден» (*Маркс, 1960 (1867): 662*).

Между тем традиционное мрачное представление о жизненных тяготах охотников является еще и доантропологическим и внеантропологическим феноменом, укорененным одновременно в истории и соотносимым с более масштабным экономическим контекстом, в котором функционирует антропология. Истоки этого представления восходят к тем временам, когда были написаны работы Адама Смита, а то и к более ранней эпохе¹⁰. Вероятно, это был один из первых характерно неолитических предрассудков – идеологическая оценка способности охотника эксплуатировать ресурсы земли, наиболее соответствующая исторической задаче лишения его этих самых ресурсов. Должно быть, мы унаследовали этот предрассудок вместе с племенем Иакова, которое «распространилось на запад и на восток, на север и на юг» (Быт. 28: 14), в ущерб Исаву, старшему сыну Исаака, который был искусственным охотником, но в знаменитом библейском эпизоде лишился первородства, продав его брату Иакову за чечевичную похлебку.

Впрочем, не обязательно объяснять сегодняшнее невысокое мнение об экономике охотников и собирателей неолитическим этноцентризмом – сгодится и этноцентризм буржуазный. Существующая предпринимательская экономика (*business economy*) – на каждом шагу идеологическая ловушка, из которой должна вырваться антропологическая экономическая теория (*economics*), – будет приводить к тем же недалеким заключениям о жизни охотников.

Так ли парадоксально прозвучит утверждение, что охотники жили в условиях экономики изобилия, несмотря на свою абсолютную бедность? Модерные капиталистические общества – сколь бы богатыми они ни были – веряют себя гипотезе ограниченности ресурсов (*scarcity*). Недостаточность экономических средств – вот первый принцип самых богатых народов мира. Наблюдаемое материальное положение той или иной экономики, похоже, не содержит никаких намеков на ее успешность – о ней должен свидетельствовать способ экономической организации (ср.: *Polanyi, 2010a (1947); Polanyi, 2010b (1957); Polanyi, 1959; Dalton, 1961*).

Ограниченность ресурсов становится институтом рыночно-индустриальной системы в немислимой для любой другой системы степени. Там, где производство и распределение организуются через динамику цен, а жизнь каждого человека зависит от того, сколько он получает и тратит, недостаточность материальных средств становится явной и исчисляемой точкой отсчета для любой экономической деятельности¹¹. Перед предпринимателем возникают альтернативные варианты вложений ограниченного объема капитала, перед работником (будем надеяться) – альтернативные варианты наемного труда, а перед потребителем... Потребление – это двойная трагедия: то, что начинается с недостатка, заканчивается депривацией. Объединяя результаты международного разделения труда, рынок обеспечивает доступ к ошеломляющему разнообразию товаров: всё это Добро (*Good Things*) находится на расстоянии вытянутой руки, но никогда не попадает нам в руки в полном объеме. Хуже того, в этой игре свободного потребительского выбора каждое приобретение оборачивается лишением: покупая нечто, мы отказываемся от чего-то другого, лишь немногим менее желанного, а в чем-то даже и более. (Например, если вы покупаете автомобиль, скажем «Плимут», вы не можете одновременно стать владельцем «Форда», – и если судить по сегодняшней телевизионной рекламе, то депривация, которая за этим последует, будет не только материальной¹².)

¹⁰ Или как минимум к тем временам, когда были написаны работы Лукреция (*Harris, 1968: 26–27*). [Антрополог М. Харрис в работе «Восхождение антропологической теории», на которую ссылается Салинз, утверждал, что древнеримский поэт-философ I века до н. э. Тит Лукреций Кар, опираясь на более ранние эволюционные идеи греческого философа Эпикура, опередил свое время как минимум на 18 веков в понимании закономерностей социокультурной сферы и биологической эволюции. В поэме «О природе вещей» Лукреций представил весьма пессимистический взгляд на человеческий удел. В качестве примера можно привести такой отрывок: «Если бы даже совсем оставались мне неизвестны / Первоначала вещей, и тогда по небесным явлениям, / Как и по многим другим, я дерзнул бы считать достоверным, / Что не для нас и отнюдь не божественной создана волей / Эта природа вещей: столь много в ней всяких пороков» (*V, 196–199*, пер. Ф. Петровского). – *Примеч. пер.*]

¹¹ Зависимость подобных калькуляций от исторической конкретики рассматривается в работе: *Codere, 1968*; в особенности Р. 574–575.

¹² О дополнительной институционализации «редкости» в условиях капиталистического производства см. в: *Gorz, 1967*:

Однако этот приговор – «пожизненная каторга» – прозвучал лишь для нашего общества. Ограниченность ресурсов – это не только вердикт, вынесенный нашей экономикой (есопому), но и аксиома нашей экономической теории (Economics), которая гласит: мы применяем дефицитные средства к альтернативным целям для получения максимально возможного удовлетворения потребностей в данных обстоятельствах. Именно с этой тревожной позиции мы смотрим на охотников. Если уж у современного человека со всеми его технологическими преимуществами не появилось в избытке необходимых ему средств, то на что может рассчитывать голый дикарь с его жалкими луком и стрелами? Приписывая охотнику мотивы вооруженного каменным топором буржуа, мы заведомо расцениваем его положение как безнадежное¹³.

Однако качество ограниченности не является неотъемлемой характеристикой технических средств. Ограниченность возникает в соотношении между средствами и целями. Необходимо допускать следующую эмпирическую возможность: охотники заняты своим делом ради собственного благополучия – в этом и состоит их конечная цель, а лук и стрелы подходят для ее достижения⁵.

Однако любым подобным интерпретациям препятствуют и другие идеи, постоянно присутствующие в антропологической теории и этнографической практике.

Склонность антропологов преувеличивать экономическую неэффективность охотников особенно проявляется в незаслуженном сравнении охотников с неолитическими экономикомы. Охотники, как прямолинейно сформулировал Роберт Г. Лоуи, «чтобы выжить, должны были работать гораздо усерднее, чем земледельцы и скотоводы» (*Lowie, 1946: 13*). В этом вопросе эволюционная антропология полагала особенно уместным – и даже теоретически необходимым – взять привычный тон упрека. Этнологи и археологи вдруг стали неолитическими революционерами и в своем революционном энтузиазме пустили в ход любые средства для осуждения старого порядка (каменного века). В дело пошел и один давний скандал. Философы и прежде относили самую раннюю стадию развития человечества к сфере природы, а не культуры («Человек, который проводит всю жизнь, преследуя животных лишь ради того, чтобы их убить и съесть, либо перемещаясь с одной ягодной поляны на другую, по сути, ничем не отличается от животного» (*Braidwood, 1957: 122*)). Так охотники были «понижены в классе», и антропологи смогли беспрепятственно превозносить неолитический Большой скачок – главный технологический шаг вперед, благодаря которому «освобождение от единственной задачи – добывания пищи – сделало досуг доступным для всех» (*Braidwood, 1952: 5; ср.: Боас, 2023 (1940)*).

Лесли Уайт в своей влиятельной работе «Энергия и эволюция культуры» так описывал последствия наступления неолита: «С развитием земледелия и скотоводства резко увеличилось производство и потребление энергии на душу населения в год, что позволяет ожидать скачка в культурном развитии. Именно это и произошло» (*Уайт, 2017 (1949): 46*). Уайт сделал еще больший акцент на эволюционном контрасте, особо отметив, что основным источником энергии для палеолитической культуры выступали *человеческие усилия*, тогда как в неолитической культуре эту роль выполняли *ресурсы одомашненных растений и животных*. Это определение источников энергии позволило Уайту дать весьма точную нижнюю оценку (low estimate) термодинамического потенциала охотников – а именно потенциала, вырабатываемого человеческим телом: «средние энергетические ресурсы» в пересчете на одного человека составляют двадцатую часть лошадиной силы (*Уайт, 2017 (1949): 43*)¹⁴, хотя если исключить человеческие

37–38.

¹³ Стоит сказать, что современная европейская марксистская теория нередко совпадает с утверждением о бедности первобытных людей в буржуазной экономической теории (см.: *Бухарин, 2008 (1921); Mandel, 1962, vol. 1*) и учебник по экономической истории Университета дружбы народов им. П. Лумумбы (*Aperçu d'histoire et d'économie: Vol. I. Formations précapitalistes. Moscow: Éditions du Progres, 1965*)).

¹⁴ Более точная формулировка Уайта звучит так: «Мощность человека не очень велика, примерно 1/10 лошадиной силы. Если принять во внимание женщин, детей, стариков, больных и т. д., то в среднем энергетические ресурсы древнейшей куль-

усилия из культурных начинаний неолита, то освобождение людей, надо полагать, состоялось благодаря какому-то трудосберегающему механизму (одомашниванию растений и животных). Однако проблематика, которую задает Уайт, очевидно ошибочна. Основным видом механической энергии, доступным как для палеолитической, так и для неолитической культуры, являлась энергия, производимая людьми, которая и в том и в другом случае преобразовывалась из растительных и животных источников. Как следствие, не считая незначительных исключений (время от времени напрямую использовалась энергия из нечеловеческих источников), объем энергии, потребляемой на одного человека в год, в палеолитической и неолитической экономиках был одинаковым – и практически не менялся на всем протяжении истории человечества вплоть до наступления промышленной революции¹⁵.

5 Долгое время едва ли не единственным этнологом, выступавшим против традиционного представления о том, что охотники живут в крайней нужде, был Элман Сёрвис. Его рассказы о том, как проводят свободное время австралийские аборигены арунта (*Service, 1963: 9*), а также наши личные беседы оказали огромное влияние на идеи, представленные в этой главе.

Еще один специфически антропологический источник недовольства палеолитом возникает в самой полевой практике, из наблюдений европейцев за такими охотниками и собирателями, как коренные народы Австралии, бушмены, оа или яганы [Огненная Земля]. Этот этнографический контекст, как правило, двояко искажает наше понимание экономики охотников и собирателей.

Во-первых, он предоставляет исключительные возможности для наивных интерпретаций (*naïveté*). Далекое экзотические территории, превратившиеся в своего рода культурные сцены для современных охотников, способствуют максимально неблагоприятной оценке европейцами положения обитателей этих мест. Территории типа пустынь Австралии или пустыни Калахари настолько не ассоциируются с ведением сельского хозяйства или с повседневным европейским опытом, что рожают недоумение: как вообще можно жить в таком месте? Из этого легко выводится умозаключение о том, что туземцам удастся едва сводить концы с концами, которое подкрепляется данными об их невероятно разноплановом рационе питания (см. выше фрагмент из работы *Herskovits, 1958*). Отвратительные и несъедобные, с точки зрения европейцев, продукты, как правило, наводят их на мысль, что аборигены умирают от голода.

Разумеется, подобные выводы скорее можно встретить в более ранних этнографических отчетах – заметках путешественников или миссионеров, нежели в монографиях профессиональных антропологов. Однако отчеты путешественников заслуживают определенного уважения именно потому, что были составлены раньше, а их авторы в большей степени застали исходное (*aboriginal*) состояние описываемых народов. Но это уважение, очевидно, должно сопровождаться осторожностью. Больше внимание следует уделить заметкам такого путешественника, как сэр Джордж Грей (*Grey, 1841*), который в 1830-х годах совершил ряд экспедиций в Австралию, включая наиболее бедные районы западной части континента. Необычайно пристальный интерес к местному населению подтолкнул Грея опровергнуть сообщения других исследователей об отчаянном экономическом положении туземцев. Широко распростра-

турной системы следует считать за 1/20 лошадиной силы на душу населения».

¹⁵ Очевидным изъяном эволюционного закона Уайта является использование показателей «на одного человека» (*per capita*). Неолитические общества в основном используют больший совокупный объем энергии, чем досельскохозяйственные сообщества, из-за большей численности людей, производящих энергию, чьим источником существования выступают одомашненные растения и животные. Однако этот совокупный рост общественного продукта не обязательно обусловлен повышением производительности труда, которым, по мнению Уайта, также сопровождалась неолитическая революция. Имеющиеся в настоящее время этнологические данные (см. ниже) с большей вероятностью свидетельствуют о том, что простые сельскохозяйственные режимы обладают не большей термодинамической эффективностью, чем охота и собирательство, – имеется в виду выход энергии на единицу человеческого труда. Точно так же некоторые археологи при объяснении неолитического прогресса в последнее время отдавали большее предпочтение фактору оседлости, а не производительности труда (ср.: *Braidwood, Wiley, 1962*).

ненной ошибкой, писал Грей, является допущение, что коренные австралийцы «располагают крайне скудными средствами к существованию либо время от времени испытывают острую нехватку пищи». В связи с этим путешественники допускали множество «почти смехотворных» ошибок: «В своих дневниках они сетуют, что голод доводит несчастных аборигенов до жалкой необходимости выживать, питаясь определенными видами продуктов, которые они обнаруживают неподалеку от своих хижин. Между тем во многих случаях пища, упоминаемая этими путешественниками, считается туземцами наиболее ценной и на деле не лишена ни аромата, ни питательных свойств». Стремясь наглядно продемонстрировать «невежественные представления, которые преобладают относительно привычек и обычаев этих людей, живущих в диком состоянии», Грей приводит один примечательный пример – цитату из сообщения другого исследователя, капитана Стёрта. Встретившись с группой аборигенов, собиравших в больших количествах смолу акации, тот пришел к выводу, что «несчастные эти существа, доведенные до последней крайности, не в силах добыть какое-то иное пропитание, должны были собирать эту клейкую массу». Однако, указывает сэр Джордж, в описываемых местах смола акации была излюбленным продуктом питания, и сезон ее сбора был поводом сойтись вместе множеству людей и разбить лагерь, что в иных обстоятельствах оказывалось для них невозможным. Грей приходит к следующему заключению:

Вообще говоря, туземцы живут неплохо; в некоторых районах в определенные времена года может присутствовать нехватка пищи, но в таких случаях люди покидают эти земли. *Однако ни путешественник, ни даже туземец из других мест совершенно не сможет оценить, имеется ли в конкретном районе изобилие пищи, или наоборот <...>* Между тем в собственном районе обитания туземец оказывается в совершенно иной ситуации: он точно знает, какие продукты он добывает, знает подходящий сезон для их поиска и самые легкие способы их обнаружения. Ориентируясь на эти обстоятельства, туземец определяет, в какое время он будет наведываться в разные части своих охотничьих угодий, и *могу лишь добавить, что сам я всегда заставал в их хижинах величайшее изобилие* (Grey, 1841: II, 259–262, курсив добавлен; ср.: Eyre, 1845: II, 2441)¹⁶.

Говоря о благополучии коренных австралийцев, сэр Джордж сознательно исключил из этой оценки аборигенов, которые оказались в положении *ломпен-пролетариев* в европейских городах и пригородах (ср.: Eyre, 1845: II, 250, 254–255). Это показательное исключение обнаруживает второй источник этнографических заблуждений: антропология охотников в значительной степени представляет собой анахроничное исследование бывших дикарей – как замечает в одном фрагменте Грей, это обследование трупа одного общества, выполняемое представителями другого.

Если дать сохранившимся собирателям классовую характеристику, то перед нами вынужденные переселенцы (*displaced persons*), палеолитические «лишенцы», занявшие маргинальные пристанища, нетипичные для их способа производства. Эти заповедники другой эпохи, удаленные от основных центров культурного развития, дали людям некую передышку от планетарного марша культурной эволюции, поскольку они, как правило, были настолько бедны, что оставались за пределами интереса и внимания более передовых экономик. Исключения составляют собиратели, которые живут в благоприятных условиях, такие как индейцы северо-западного побережья Северной Америки, чье (относительное) благополучие не вызывает сомнений. В распоряжении остальных охотников, вытесненных с лучших земель сначала сельским хозяйством, а затем индустриальными экономиками, остаются экологические ниши,

¹⁶ Аналогичное замечание по поводу неверного толкования миссионерами питья крови, используемого в восточной части Австралии в качестве метода лечения, см. в Hodgkinson, 1845: 227.

заметно уступающие средним условиям позднего палеолита¹⁷. Более того, разрушения, нанесенные европейским империализмом в последние два столетия, были столь значительны, что многие этнографические свидетельства, составляющие «фирменный ассортимент» антропологов, представляют собой культурные продукты, уже подвергшиеся глубокой деформации (*adulterated culture goods*). Даже описания путешественников и миссионеров – если оставить в стороне их этноцентрические искажения – могут свидетельствовать об экономиках, попавших под воздействие империализма (ср.: *Service, 1962*). Так, охотники восточной части Канады, описываемые в донесениях иезуитов, уже в начале XVII века вели торговлю пушниной. Среду обитания других охотников европейцы подвергли выборочному грабежу еще до того, как появилась возможность получить надежные данные о производственной деятельности коренных народов. Те эскимосы, которых мы знаем сегодня, больше не охотятся на китов, бушмены лишились дичи, сосновые леса шошонов были вырублены, а их охотничьи угодья были стравлены скотом¹⁸. И если в сегодняшних описаниях такие народы поражают своей бедностью, своими «скудными и ненадежными» ресурсами, то свидетельствует ли это об их изначальном (*aboriginal*) положении или о колониальном натиске?

Исследователи лишь недавно обратили внимание на гигантские последствия (и проблемы) для эволюционной интерпретации этого глобального отступления охотничьих народов (*Lee, Devore, 1968*). Сегодня важно следующее: вместо объективного испытания (*fair test*) производительных способностей охотников их нынешняя ситуация предлагает нечто вроде испытания на выживание (*supreme test*). И в таком случае приведенные ниже описания свершений охотников выглядят еще более поразительно.

«НЕЧТО ВРОДЕ МАТЕРИАЛЬНОГО ДОСТАТКА»

Если учесть, что в теории охотники и собиратели живут в бедности, то для нас будет удивительным узнать, что бушмены из пустыни Калахари располагают «чем-то вроде материального достатка» – по меньшей мере в части вещей повседневного пользования, помимо еды и воды. Вот что сообщает о бушменском племени!кунг Лорна Маршалл:

Чем больше!кунг будут контактировать с европейцами – а это уже происходит, – тем острее они будут ощущать нехватку наших вещей, нуждаться в них и хотеть, чтобы их было больше. Когда!кунг находятся без одежды среди одетых чужеземцев, они вынуждены ощущать собственную неполноценность. Но в своем кругу и в обращении с принадлежащими им вещами *они особо не испытывали материальных затруднений*. Помимо еды и воды (исключения важные!), которых у ньяе-ньяе/!кунг было достаточно – хотя и в обрез, судя по тому, что все они худы, но не истощены, – у каждого имелись также все необходимые вещи или возможность их изготовить, ибо любой мужчина способен делать и делает то, что полагается мужчинам, а каждая женщина – то, что полагается женщинам <...>. *У них имелось нечто вроде материального достатка*, поскольку они делали свои орудия из материалов, в изобилии находящихся вокруг и свободно доступных (дерево, тростник, кость для изготовления оружия и орудий труда, волокна для

¹⁷ Как отмечает Карл Зауэр, условия жизни первобытных охотничьих народов не следует оценивать «по тем их современным представителям, которым удалось выжить, ибо теперь территория их обитания ограничена наиболее скудными ресурсами зонами: это внутренние районы Австралии, Большой бассейн в Северной Америке, арктическая тундра и тайга. Изначально эти народы жили на изобиловавших пищей территориях» (цит. по: *Clark, Haswell, 1964: 23*).

¹⁸ Преодолев оковы аккультурации, получить представление о том, как люди занимались охотой и собирательством в подобающей для этого среде, можно из рассказа [дневников] Александра Генри о его благодатном пребывании среди индейцев чиппева на севере Мичигана (*Quimby, 1962*).

веревки, трава для укрытий), либо из материалов, которых было достаточно для удовлетворения по меньшей мере потребностей племени <...>. !Кунг могли использовать больше скорлупы страусиных яиц для изготовления бус, необходимых для украшения или обмена, – у каждой женщины найдется с дюжину или больше скорлупок, которые служат сосудами для воды (а большего количества ей не унести), и приличное количество украшений. Когда !кунг занимаются охотой и собирательством, перемещаясь от одного источника пищи к другому в разные времена года, между источниками пищи и воды, они берут с собой маленьких детей и все свои пожитки. Поскольку у !кунг всегда под рукой в большом количестве значительная часть материалов, необходимых для замены различных предметов, у них не возникает необходимости делать постоянные припасы или желаний утруждать себя созданием излишек или дубликатов. Они даже часто не хотят носить с собой по одному экземпляру каких бы то ни было вещей. Если им чего-то не хватает, они берут у других. Благодаря этой легкости они не делали запасов, и накопление различных предметов не стало ассоциироваться у них со статусом (*Marshall, 1961: 243–244*, курсив добавлен).

Вслед за г-жой Маршалл анализ производства охотников-собирателей целесообразно разделить на две сферы. Пища и вода, безусловно, являются «важными исключениями», которые лучше оставить для отдельного подробного рассмотрения. Что касается всего остального, не связанного с пропитанием, то приведенное описание бушменов применимо в целом и в частности к охотникам, живущим от Калахари до Лабрадора или Огненной Земли. Там, по сообщению Мартина Гузинде, местные яганы не желают владеть часто используемыми вещами более чем в одном экземпляре, что является среди них «признаком уверенности в себе». «Наши огнеземельцы, – пишет Гузинде, – добывают и изготавливают свою утварь без особых усилий» (*Gusinde, 1961: 213*)¹⁹.

В сфере, не связанной с пропитанием, потребности людей, как правило, легко удовлетворяются. Такое «материальное изобилие» отчасти связано с легкостью изготовления соответствующих предметов, а эта легкость, в свою очередь, возникает из простоты технологий и демократического отношения к собственности. Всё это вещи без изысков, которые изготавливаются из камня, кости, дерева, кожи – материалов, «в изобилии находящихся вокруг». Ни добыча сырья, ни его обработка, как правило, не требуют изматывающих усилий. Доступ к природным ресурсам обычно прямой, они «свободно доступны», а владение необходимыми инструментами и навыками – общие. Разделение труда столь же простое, преимущественно по половому признаку. Добавим к этому обычаи щедро делиться друг с другом, которыми славятся охотники, и каждый, как правило, может приобщиться к общему процветанию в его актуальном виде.

Однако этот «актуальный вид» держится также и на объективно низком уровне жизни. Принципиальный момент заключается в том, чтобы общепринятая квота предметов потребления (как и число тех, кто их потребляет) была установлена на довольно скромном уровне при помощи культурных механизмов. Небольшая группа людей вполне удовлетворена тем, что считает удачей обладание немногими, легко изготавливаемыми вещами: несколькими невзрачными предметами одежды, довольно непрочными жилищами, подходящими для большинства погодных условий²⁰, а также парой украшений, запасным кремнем и прочей всячиной

¹⁹ То же самое сообщает Колин Тёрнбулл о пигмеях Конго: «Материалы для строительства укрытий, изготовления одежды и все прочие необходимые предметы материальной культуры у них всегда под рукой». Так же не возникает сомнений и в отношении пропитания: «Круглый год, без перерывов в изобилии имеются дичь и растительная пища» (*Turnbull, 1965: 18*).

²⁰ Некоторые собиратели, в недавние времена не отличавшиеся архитектурными достижениями, похоже, строили себе более внушительные жилища до того, как европейцы вынудили их перейти к кочевому образу жизни (*Smythe, 1871: I, 125–128*).

вроде «кусочков кварца, которые врачи туземцев получали от своих пациентов» (*Grey, 1841: II, 266*)²¹, и, наконец, кожаными сумками, в которых всё это несет верная жена, – вот и всё «богатство австралийского дикаря» (*Ibid.*).

Для большинства охотников такое богатство без избытка в сфере, не связанной с пропитанием, – обычное дело. Однако интересно, почему они довольствуются таким небольшим количеством имущества? Ведь для них этот момент имеет политический характер, является «делом принципа», как утверждает Гузинде (*Gusinde, 1961: 2*), а не несчастьем.

Нет потребности – нет и нехватки. Но не потому ли охотники столь нетребовательны к материальным благам, что сами поработаны голодом и поиском пищи, «требующим максимальных усилий максимального количества людей», и в результате на обеспечение других благ не остается ни времени, ни сил? Некоторые этнографы свидетельствуют об обратном: поиск пищи складывается настолько успешно, что половину своего времени эти люди как будто не знают, чем себя занять. С другой стороны, условием этого успеха является *движение* – в одних случаях надо перемещаться больше, в других меньше, но всякий раз объем перемещений таков, что радость от обладания вещами быстро обесценивается. Недаром об охотнике говорят, что его богатство его тяготит. В условиях охотничьей жизни, отмечает Гузинде, вещи могут становиться «мучительно тягостными», – и тем сильнее, чем дольше их приходится таскать с собой. У некоторых собирателей имеются каноэ, у других есть собачьи упряжки, но большинству приходится перемещать все свои жизненные блага на себе, поэтому они владеют лишь тем, что могут благополучно унести своими силами. Или же тем, что могут унести их женщины, поскольку у мужчин зачастую сохраняется свобода действий на те случаи, когда появляется неожиданная возможность преследования добычи или необходимость защищаться. Как писал Оуэн Латтимор по иному поводу, хотя и не слишком далекому от нашей темы, «истинный кочевник – бедный кочевник»²². Мобильность и собственность исключают друг друга.

Тот факт, что богатство быстро становится обузой, а не благом, очевиден даже для стороннего наблюдателя. Лоренс ван дер Пост сообщает о противоречивой ситуации, в которой оказался, когда прощался со своими друзьями-дикарями из бушменов:

Вопрос о возможном подарке для них доставил нам немало беспокойства. Осознание того, как мало мы способны дать бушменам, унижительно. Почти любая вещь, казалось, может осложнить им жизнь, став в их быту громоздким хламом. Сами они не владели почти ничем, за исключением набедренной повязки, покрывала из шкуры и кожаной заплечной торбы. У них не было ничего такого, чего нельзя было бы собрать за минуту, завернуть в покрывало и нести на плечах тысячу миль. У них отсутствовало ощущение собственности (*van der Post, 1958: 276*).

Необходимость скудного быта, столь очевидная для случайного визитера, должна стать для этих людей второй натурой. Эта скромность материальных потребностей институционализируется, превращаясь в позитивный культурный факт, который находит выражение в разнообразных экономических механизмах. Так, в картине мира австралийских мурнгинов, сообщает Ллойд Уорнер, портативность является важнейшей ценностью. Мелкие предметы, как правило, более предпочтительны, чем крупные. В конечном итоге характер вещи определяет «относительная легкость ее перемещения», а не относительная редкость или трудозатраты на ее изготовление, – ибо «абсолютная ценность», отмечает Уорнер, «заключается в свободе передвижения». С этим «желанием быть свободным от бремени и ответственности, связанных с

²¹ У австралийских аборигенов кварц символизировал небесную силу света; считалось, что кварцевые кристаллы упали с небес в мифическое «время сновидений» и охраняются Радужным змеем, обитающим в источниках.

²² *Lattimore O. The Geographical Factor in Mongol History // The Geographical Journal. Jan. 1938. Vol. 91. No. 1. 1938. P. 15.*

вещами, которые мешают кочевому существованию общества», Уорнер связывает и «неразвитое чувство собственности» у мурнгинов и «отсутствие у них интереса к развитию своего технологического инвентаря» (*Warner, 1964: 136–137*).

В таком случае перед нами еще один момент экономической «специфики» – не стану утверждать, что она имеет всеобщий характер, а ее объяснение, возможно, состоит не только в выработанном равнодушии к материальному накоплению, но и в недостаточной привычке к опрятности. Как минимум некоторые охотники демонстрируют примечательную склонность к небрежному отношению к имуществу. Им свойственна та беспечность, которая отличает людей, не испытывающих проблем производства, и европейца это приводит в бешенство. По утверждению Гузинде,

забота о своих пожитках им неведома. Никому не приходит в голову приводить их в порядок, сворачивать, сушить или чистить, развешивать или складывать в аккуратную стопку. Когда эти люди ищут какую-то конкретную вещь, они небрежно копаются в мешанине барахла в маленьких корзинках. Более крупные предметы, сваленные в кучу в хижине, они таскают туда-сюда, не думая о том, что могут их повредить. У европейского наблюдателя складывается впечатление, что эти индейцы [яганы] вообще не ценят свою утварь и совершенно забывают о том, каких усилий потребовало ее изготовление²³. Никто и правда не привязывается к своему небогатому домашнему скарбу, который в самом деле часто и легко теряется, но столь же легко заменяется другим. Если у индейца есть возможность не утруждать себя мерами предосторожности, он именно так и поступит. Европейец, вероятно, предосудительно покачает головой, глядя на безграничное равнодушие этих людей, которые тащат новейшие товары, дорогую одежду, свежую пищу и ценные вещи по непролазной грязи или бросают их, после чего всё это быстро уничтожается детьми и собаками <...>. Дорогие вещи, которые им дарят, они из любопытства несколько часов держат при себе, после чего бездумно оставляют подарки в грязи и сырости, где они портятся. Чем меньше у них имущества, тем комфортнее им передвигаться с места на место, а пришедшее в негодность они время от времени заменяют. Таким образом, они совершенно безразличны к любой материальной собственности (*Gusinde, 1961: 86–87*).

Охотник, осмелимся утверждать, есть «человек неэкономический». По меньшей мере во всём, что касается предметов, не относящихся к средствам выживания, он являет собой полную противоположность стандартным рисункам, помещаемым на первых страницах любого учебника по основам экономической теории. Потребности охотника скудны, а средств (относительно) достаточно. Следовательно, он «сравнительно свободен от материальных затруднений», «лишен чувства обладания», демонстрирует «неразвитое ощущение собственности», «совершенно безразличен к любым материальным тяготам» и не проявляет «никакого интереса» к усовершенствованию собственного технологического инвентаря.

В этом отношении охотников к мирским благам отчетливо присутствует один изящный и принципиально важный момент. Если взглянуть на ситуацию изнутри экономики, то представляется неверным утверждать, что потребности охотника «ограниченны», желания «умеренны» или даже что его представление о богатстве «имеет пределы». Подобные формулировки заведомо подразумевают фигуру «человека экономического» и борьбу охотника с худшей стороной собственной природы, которая в итоге подчиняется обету бедности, имеющему культурную природу. Такая формулировка предполагает отказ от привычки к стяжательству, которая

²³ В то же время не будем забывать об уже приведенном выше замечании Гузинде: «Наши огнеземельцы добывают и изготавливают свою утварь без особых усилий» (*Gusinde, 1961: 213*).

в действительности никогда не вырабатывалась, и подавление желаний, которые никогда не заявляли о себе. «Человек экономический» есть буржуазная конструкция, находящаяся, как выразился Марсель Мосс, «не в прошлом, а в будущем, как человек морали и долга, как человек науки и разума» (Мосс, 2011 (1923–1924): 277). Дело не в том, что охотники и собиратели обуздали свои материалистические «импульсы» – они просто никогда не превращали их в некую институцию. «Более того, если свобода от великого зла есть великое благо, то наши дикари [монтанье] счастливы, ибо в их обширных лесах не властвуют два тирана, устраивающих ад и пытки для многих из нас, европейцев, – честолюбие и алчность; <...> поскольку люди эти довольствуются простой жизнью, никто из них не предаст себя дьяволу ради обретения богатства» (*Le Jeune, 1897: 231*)²⁴.

Мы склонны считать охотников и собирателей нищими, поскольку у них ничего нет, но в силу той же самой причины их, быть может, лучше считать свободными людьми. «Материального имущества у них совсем немного, что избавляет их от любых забот о повседневных нуждах и позволяет наслаждаться жизнью» (*Gusinde, 1961: 1*).

СРЕДСТВА К СУЩЕСТВОВАНИЮ

Когда Мелвилл Херсковиц писал свою работу «Экономическая антропология» (*Herskovits, 1952*), бушменов или коренных австралийцев среди антропологов было принято считать «классическим примером народа с крайне скудными экономическими ресурсами», пребывающего в столь неустойчивом положении, что «свое выживание он может обеспечить лишь максимально интенсивными усилиями». Но сегодня это «классическое» представление вполне можно представить с точностью до наоборот, исходя преимущественно из свидетельств о двух указанных группах. Можно с уверенностью утверждать, что охотники и собиратели работают меньше нас, поиск пищи для них не является непрерывным тяжелым трудом – они занимаются этим эпизодически, свободное время у них в избытке, а продолжительность дневного сна в расчете на одного человека в год больше, чем в обществе, пребывающем в любом другом состоянии.

Некоторые убедительные доказательства на австралийском материале встречаются в ранних источниках, однако нам особенно повезло, потому что теперь имеются количественные данные, собранные в 1948 году американо-австралийской научной экспедицией на полуостров Арнемленд. Эти поразительные сведения, опубликованные в 1960 году, должны способствовать определенному пересмотру свидетельств об австралийских аборигенах за более чем столетний промежуток, а возможно, и ревизии еще более длительного периода истории антропологической мысли. Ключевыми исследованиями экспедиции стали изучение времени, необходимого для охоты и собирательства, выполненное Фредериком Маккарти и Маргарет Макартур (*McCarthy, McArthur, 1960*), и анализ добываемой аборигенами пищи, проделанный Макартуром.

На рис. 1.1 и 1.2 представлены основные результаты изучения производственного цикла – кратковременных наблюдений, проводившихся в периоды, не занятые церемониальными мероприятиями. Записи, относящиеся к стоянке Фиш-Крик (14 дней), являются более подробными и детализированными, чем данные, относящиеся к поселению Хемпл-Бей (7 дней). Насколько мне известно, учитывалась только работа, выполняемая взрослыми. На графиках представлена информация об охоте, сборе растений, приготовлении пищи и починке оружия, запротоколированная этнографами. Люди, находившиеся в обеих локациях, были

²⁴ Цитата из донесения французского миссионера-иезуита Поля Ле Жёна (1591–1664), первого европейца, составившего описание Канады; словом монтанье (*франц.* «горцы») он называет представителей одной из групп народов инну, проживавших вдоль северного берега реки Святого Лаврентия и полуострова Лабрадор.

коренными австралийцами, которые могли беспрепятственно перемещаться и в период исследования проживали за пределами миссий или других населенных пунктов, хотя данные локация не обязательно были для них постоянной или хотя бы обычной средой обитания²⁵.

Можно ли делать выводы – общего или исторического характера – исключительно на основе этих данных? Здесь требуются серьезные оговорки. Проблема не только в том, что контекст исследования был отнюдь не «чистым», а время наблюдений слишком коротким. Помимо этого, производительность, возможно, находилась на более высоком уровне в сравнении с тем, который существовал до прихода европейцев, в силу ряда современных факторов, таких как использование металлических орудий или снижение локального давления на пищевые ресурсы из-за сокращения коренного населения. Эту неопределенность, похоже, лишь усиливают другие обстоятельства, которые вопреки ожиданиям уменьшают экономическую эффективность: эти полуавтономные охотники, вероятно, не обладают таким же уровнем навыков, как их предки. Но пока давайте рассматривать выводы, полученные экспедицией на полуострове Арнемленд, как экспериментальные и потенциально достоверные в той мере, в какой они подкреплены другими этнографическими или историческими свидетельствами.

²⁵ Фиш-Крик – стоянка в западной части полуострова Арнемленд, на которой проживали шесть взрослых мужчин и три взрослые женщины. Хемпл-Бей – прибрежное поселение на острове Грут-Айленд, где находились четверо взрослых мужчин, четыре взрослые женщины и пять детей и младенцев. Исследование на стоянке Фиш-Крик проводилось в конце засушливого сезона, когда запасы растительной пищи были скудными; охота на кенгуру была результативной, хотя животные проявляли всё большую осторожность из-за постоянного преследования охотниками. На стоянке Хемпл-Бей растительная пища была в изобилии; ловля рыбы приносила разные результаты, хотя в целом успешные по сравнению с другими прибрежными стоянками, где побывали участники экспедиции. Ресурсная база стоянки Хемпл-Бей была богаче, чем в случае Фиш-Крик. Большое количество времени, затрачиваемого на добычу пищи в Хемпл-Бее, может быть связано с необходимостью кормить пятерых детей. С другой стороны, среди обитателей стоянки Фиш-Крик был человек, посвящавший добыче пищи почти всё свое время, при этом разница во времени, которое затрачивалось на эту задачу, может представлять собой нормальное различие между прибрежными и внутренними районами. Во внутренних районах охота нередко приносит большой объем добычи, то есть один «рабочий день» может обеспечить пропитание на два дня. Режим «рыболовство + собирательство» обеспечивает, возможно, меньший, но при этом более стабильный результат, однако для этого требуются более длительные и регулярные усилия.

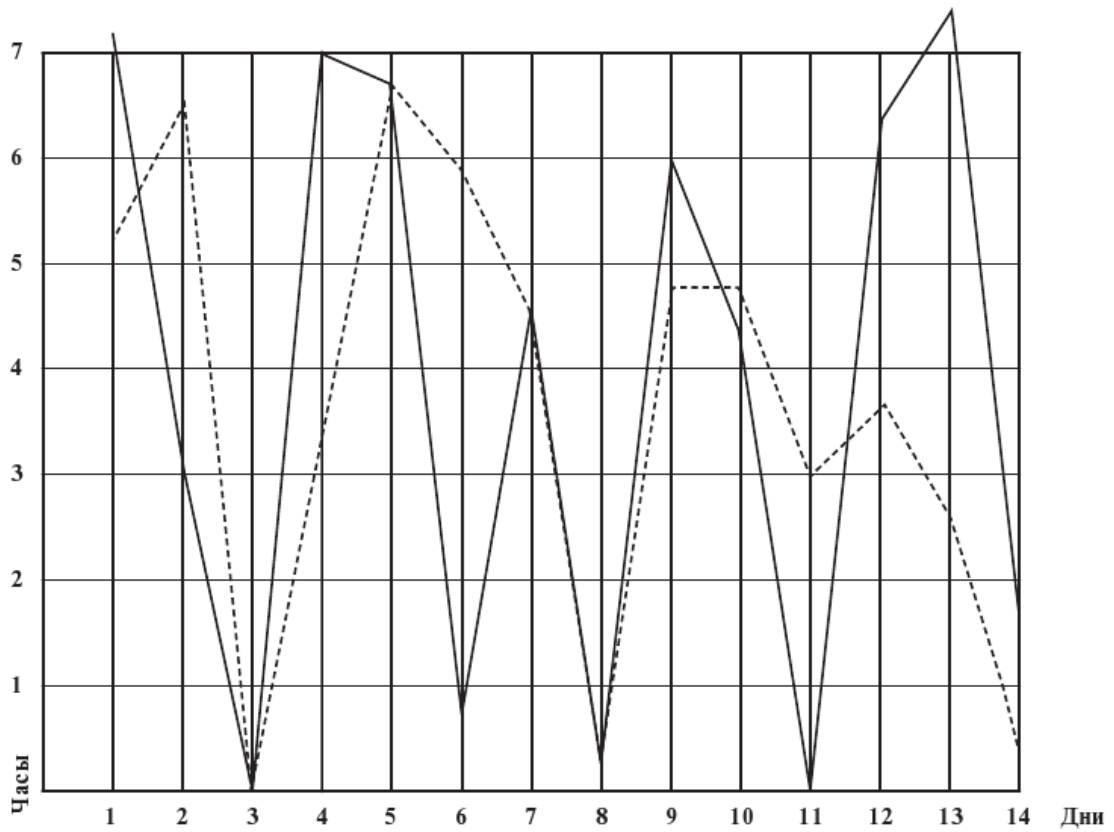

Рис. 1.1. Время, затраченное на занятия, связанные с пищей (часов в день): группа Фиш-Крик (McCarthy, McArthur, 1960)

— Женщины, средний показатель — 3 ч. 44 мин. / день
---- Мужчины, средний показатель — 3 ч. 50 мин. / день

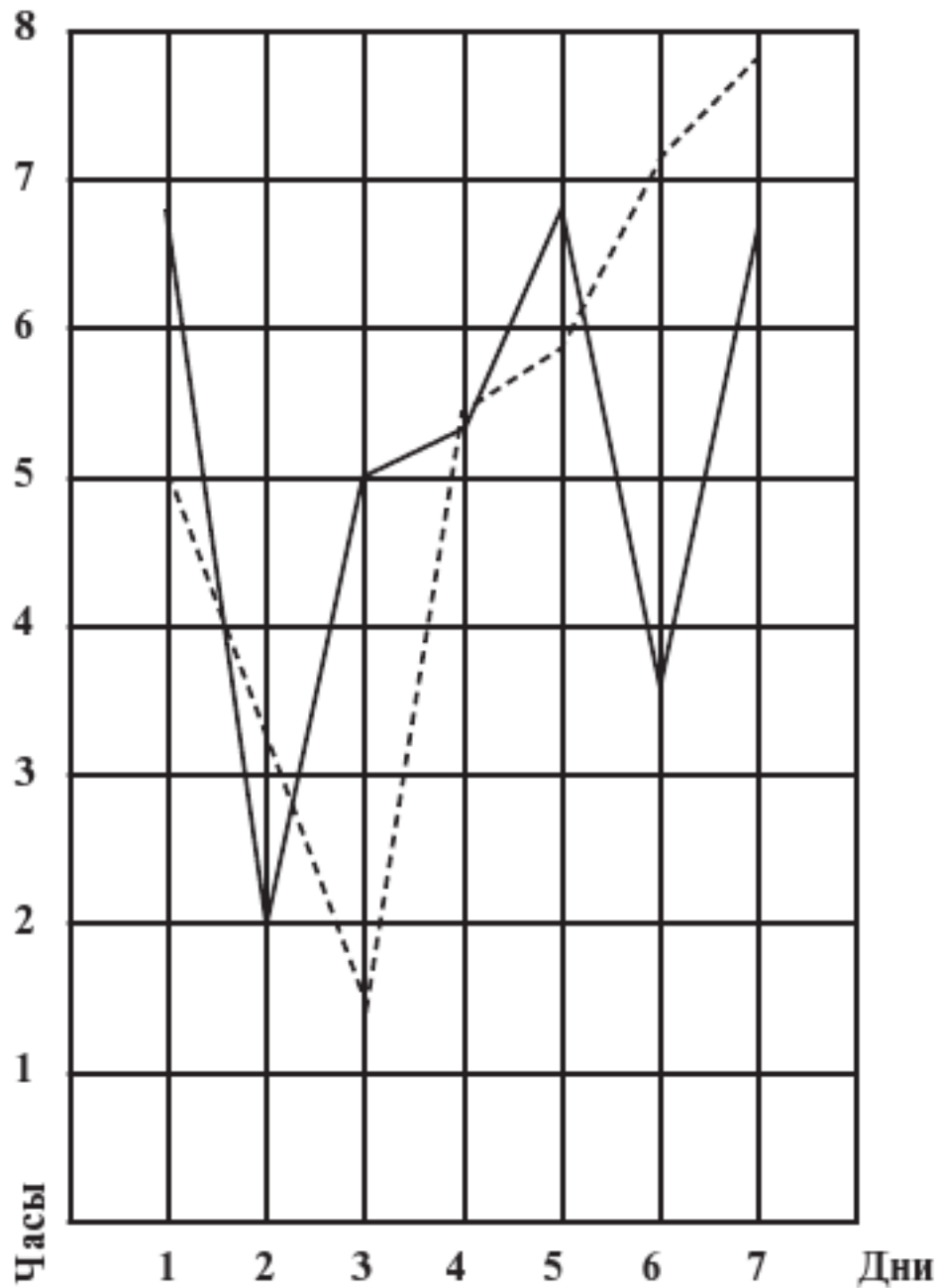

Рис. 1.2. Время, затраченное на занятия, связанные с пищей (часов в день): группа Хемпл-Бей (McCarthy, McArthur, 1960)

----- Женщины, средний показатель — 5 ч. 9 мин. / день
 — Мужчины, средний показатель — 5 ч. 7 мин. / день

Самый очевидный и непосредственный из этих выводов заключается в том, что коренные австралийцы не занимаются тяжелым трудом. В среднем на добычу и приготовление пищи у одного человека уходит четыре-пять часов в день. Кроме того, их труд не является непрерывным – поиск средств к существованию носит выражено прерывистый характер. Когда объем добычи достигает достаточного уровня, процесс на какой-то период прекращается и у людей

остается достаточно свободного времени. Очевидно, что в области обеспечения пропитания, как и в других секторах производства, мы имеем дело с экономикой, ориентированной на конкретные ограниченные цели. Охота и собирательство, как правило, позволяют достигать этих целей нерегулярным образом – соответственно, неравномерным оказывается и график работы. По сути, здесь появляется третья характеристика охоты и собирательства, которую невозможно вообразить на основе расхожих представлений: вместо предельного использования доступных рабочих рук и располагаемых ресурсов, австралийцы, по-видимому, *недоиспользуют* свои объективные экономические возможности.

Количество пищи, собираемой за один день обеими группами, в каждом случае могло быть и больше. Для женщин поиск пищи был работой, которая продолжалась изо дня в день без исключений (однако это утверждение противоречит данным рис. 1.1 и 1.2. – М. С.), но отдыхали они довольно часто, а поиск и приготовление пищи не отнимали у них весь световой день. Мужчины занимались добычей пищи более спорадически, и если в какой-то день у них был хороший результат, то на следующий они часто отдыхали. Возможно, они неосознанно сопоставляют выгоды, которые дают большие запасы пищи, с усилиями, прилагаемыми для ее добычи; возможно, они оценивают, какого количества пищи, по их мнению, будет достаточно, и когда такой объем собран, прекращают этим заниматься (McArthur, 1960: 92).

Четвертый вывод: хозяйство аборигенов не требовало больших физических усилий. Полевые дневники исследователей свидетельствуют о том, что темп работы люди определяли сами, – лишь в одном случае появляется упоминание о «совершенно измученном» охотнике (McCarthy, McArthur, 1960: 150). Сами обитатели Арнемленда также не считали добычу пропитания обременительной²⁶: «Они определенно не считали это неприятной работой, с которой нужно разделаться как можно скорее, или неизбежным злом, которое нужно отложить на максимально возможное время» (McArthur, 1960: 92)²⁷. В связи с этим, а также с фактором недоиспользования экономических ресурсов интересно отметить, что охотники Арнемленда, по-видимому, не довольствовались «обеспечением минимальных потребностей». Как и других коренных австралийцев (ср.: Worsley, 1961: 173), их не устраивало однообразное питание, и часть своего времени они, судя по всему, тратили на обеспечение пищевого разнообразия сверх необходимого (McCarthy, McArthur, 1960: 192).

Так или иначе, рацион охотников Арнемленда соответствовал стандартам Национального исследовательского совета (НСИ) США. На стоянке Хемпл-Бей среднесуточная энергетическая ценность питания одного человека составляла 2160 калорий (данные за 4 дня), а на стоянке Фиш-Крик – 2130 калорий (11 дней наблюдений). В таблице 1.1 приведены рассчитанные Макартуром данные о базовом суточном потреблении различных питательных веществ в соотношении с нормативами, рекомендованными НСИ.

²⁶ Об ином понимании труда и отношении к нему среди коренных жителей Австралии см. статью антрополога Элизабет Повинелли: Повинелли Э. Умеют ли скалы слышать? Культурная политика понимания труда австралийских аборигенов / пер. Г. Винокурова, И. Напреев // Социология власти. 37 (1), 2025. С. 188–221. – *Примеч. науч. ред.*

²⁷ В языке некоторых австралийских аборигенов – как минимум у йир-йоронтов – не существует различия между работой и игрой (Sharp, 1958: 6).

	<i>Калории</i>	<i>Белки</i>	<i>Железо</i>	<i>Кальций</i>	<i>Аскорбиновая кислота</i>
Хемпл-Бей	116	444	80	128	394
Фиш-Крик	104	544	33	355	47

Таблица 1.1. Среднесуточное потребление питательных веществ, % от рекомендованных норм (McArthur, 1960)

Наконец, дает ли исследование, посвященное аборигенам Арнемленда, ответ на знаменитый вопрос о досуге? Судя по всему, охота и собирательство могут дать исключительно высокий уровень избавления от хозяйственных хлопот. В группе, находившейся на стоянке Фиш-Крик, имелся некий Уибира, который практически всё время что-то мастерил, хотя настоящей специализацией этого человека 35–40 лет, похоже, было ничегонеделанье:

Он совсем не ходил на охоту с мужчинами, хотя однажды очень энергично ловил рыбу сетью. Время от времени он отправлялся в заросли за гнездами диких пчел. Уибира был искусным мастером, который чинил копья и копьеметалки, делал курительные трубки и мундштуки, а также при необходимости мастерски насаживал на палки каменные топоры; помимо этих занятий, основная часть его времени уходила на разговоры, еду и сон (McCarthy, McArthur, 1960: 148).

Уибира не был исключением. Значительная часть времени, остававшегося у охотников Арнемленда, была в буквальном смысле свободным временем, которое они тратили на отдых и сон (см. таблицы 1.2 и 1.3). Сон был основной альтернативой работе, выступая ее дополнением:

Помимо времени (в основном между определенными занятиями и в промежутках приготовления пищи), которое отводилось на общение, болтовню, сплетни и т. д., несколько часов светового дня занимал также отдых и сон. В среднем, если мужчины находились на стоянке, они обычно спали после обеда час-полтора, но порой и больше. Кроме того, они, как правило, спали после возвращения с рыбалки или охоты – сразу по прибытии, либо пока готовилась добыча. В Хемпл-Бее мужчины спали, если возвращались рано, но не тогда, когда приходили после 16 часов. Если же они находились на стоянке весь день, то спали время от времени и всегда после обеда. Женщины, которые занимались собирательством в лесу, судя по всему, отдыхали чаще мужчин. Оставаясь в лагере весь день, они также время от времени спали, иногда подолгу (McCarthy, McArthur, 1960: 193).

День	Средний показатель для мужчин	Средний показатель для женщин
1	2 ч. 15 мин.	2 ч. 45 мин.
2	1 ч. 30 мин.	1 ч.
3	Большая часть дня	
4	Эпизодически	
5	Эпизодически и большая часть предвечернего времени	
6	Большая часть дня	
7	Несколько часов	
8	2 ч.	2 ч.
9	50 мин.	50 мин.
10	После обеда	
11	После обеда	
12	Эпизодически, после обеда	
13	—	—
14	3 ч. 15 мин.	3 ч. 15 мин.

Таблица 1.2. Дневной отдых и сон, стоянка Фиш-Крик (*McCarthy, McArthur, 1960*)

День	Средний показатель для мужчин	Средний показатель для женщин
1	—	45 мин.
2	Большая часть дня	2 ч. 45 мин.
3	1 ч.	—
4	Эпизодически	Эпизодически
5	—	1 ч. 30 мин.
6	Эпизодически	Эпизодически
7	Эпизодически	Эпизодически

Таблица 1.3. Дневной отдых и сон, стоянка Хемпл-Бей (*McCarthy, McArthur, 1960*)

Жители Арнемленда не смогли «построить культуру» не столько из-за нехватки времени, сколько из-за праздности.

Но довольно об участи этих охотников и собирателей – перейдем к бушменам, которых Херскович экономически сближает с австралийскими охотниками. Две недавние превосходные работы Ричарда Ли демонстрируют, что эти группы действительно находятся в одинаковом положении (*Lee, 1968; Lee, 1969*). Исследования Ли заслуживают особого внимания, поскольку в них рассматриваются не просто бушмены, а конкретно группа добе бушменского народа! кунг, проживающая поблизости от группы ньяэ-ньяэ, которой посвящена работа Лорны Маршалл, делающей важные уточнения, что добе отнюдь не испытывают «материального недостатка» в средствах пропитания. Добе занимают территорию в той части Ботсваны, где!кунг живут уже не менее сотни лет, хотя лишь недавно стали испытывать давление факторов, вынуждающих их сниматься с места (при этом доступ к металлическим орудиям у добе появился еще в 1880–

1890-х годах). Масштабное исследование Ли, посвященное добыче средств пропитания, проходило в засушливый сезон на стоянке, где проживал 41 человек, – численность, близкая к средним показателям для подобных поселений. Наблюдения продолжались в течение четырех недель июля и августа 1964 года, в период смены сезона – перехода от более благоприятных погодных условий к менее благоприятным. В связи с этим результаты исследования, по-видимому, демонстрируют типичные затруднения с добычей средств пропитания, с которыми сталкиваются добе.

Несмотря на низкие годовые показатели осадков (от 6 до 10 дюймов [15–23 см]), Ли обнаружил в местах обитания добе «удивительное изобилие растительности». Пищевые ресурсы были «разнообразными и обильными»; в особенности это касалось орехов мангетти, имеющих высокую энергетическую ценность, – «их было так много, что каждый год миллионы орехов гнили на земле, поскольку их никто не собирал» (*Lee, 1969: 59*)²⁸. Собранные Ли данные о времени, которое добе затрачивают на добывание пищи, примечательным образом близки к результатам наблюдений в Арнемленде. В общем виде эти данные представлены в таблице 1.4.

Неделя	Средняя численность группы ^a	Количество человеко-дней потребления ^b	Количество человеко-дней работы	Количество рабочих дней в неделю на одного взрослого	Индекс усилий по добыче средств пропитания ^c
1 (6–12 июля)	25,6 (23–29)	179	37	2,3	0,21
2 (13–19 июля)	28,3 (23–37)	198	22	1,2	0,11
3 (20–26 июля)	34,3 (29–40)	240	42	1,9	0,18
4 (27 июля– 2 августа)	35,6 (32–40)	249	77	3,2	0,31
Итого за 4 недели	30,9	866	178	2,2	0,21
Скорректированный итог ^d	31,8	668	156	2,5	0,23

Таблица 1.4. Сводные данные о ежедневных трудозатратах бушменов добе (*Lee, 1969*) а Первое число – средняя численность, в скобках – диапазон численности. На стоянках бушменов наблюдаются значительные кратковременные колебания численности находящихся там людей.

b Показатель включает как детей, так и взрослых, что позволяет получить общее количество человеко-дней, которые требуется обеспечить пищей в течение недели.

c тот показатель был введен Ли для иллюстрации связи между потреблением и трудозатратами, необходимыми для его обеспечения. Индекс рассчитывается по следующей формуле: S (Subsistence Effort, усилия по добыче средств пропитания) = W/C , где W (work) – количество человеко-дней работы, а C (consumption) – количество человеко-дней потребления. В обратном виде эта формула демонстрирует, сколько человек можно обеспечить пропитанием за день работы.

d Из окончательных расчетов была исключена вторая неделя, поскольку в течение двух дней часть продовольствия на стоянку доставлял сам исследователь.

²⁸ Такая оценка локальных ресурсов тем более примечательна, если учесть, что этнографическая работа Ли проводилась на второй и третий годы «одной из самых сильных засух в истории Южной Африки» (см.: *Lee, 1968: 39; Lee, 1969: 73 n.*).

Эти данные по бушменам подразумевают, что один человек, занимающийся охотой и собирательством, способен обеспечить пропитанием четверых-пятерых. Если принять представленные показатели некритически, то добыча пищи у бушменов оказывается более эффективной, чем сельское хозяйство Франции в период до Второй мировой войны, когда более 20% населения страны кормило всех остальных. Конечно, это сравнение обманчиво, но в еще большей степени поразительно. Из общего количества располагавших свободой перемещения бушменов, с которыми контактировал Ли, фактической добычей продовольствия занимались только 61,3% (152 из 248 человек), а остальные были слишком молоды или слишком стары, чтобы вносить существенную лепту. На стоянке, которая описана выше, к «эффективным производителям» относились 65% ее обитателей. Таким образом, фактическое соотношение между добытчиками продовольствия и общей численностью популяции составляет 3:5 или 2:3. Однако эти 65% «посвящали работе 36% своего времени, а 35% людей не работали вообще» (Lee, 1969: 67).

В пересчете на каждого взрослого работника это составляет около двух с половиной рабочих дней в неделю («Иными словами, каждый продуктивный индивид обеспечивал себя и иждивенцев, и при этом у него оставалось от 3,5 до 5,5 дня для других занятий»). Учитывая продолжительность рабочего дня примерно в шесть часов, рабочая неделя у добе составляет примерно 15 часов, или в среднем 2 часа 9 минут в день. Этот показатель оказывается даже ниже, чем средние цифры для Арнемленда, хотя он не включает приготовление пищи и подготовку орудий труда. С учетом всех обстоятельств система труда по добыче средств пропитания у бушменов, вероятно, очень близка к тому, что наблюдается у коренных австралийцев.

Кроме того, бушмены, подобно австралийцам, посвящают время, свободное от добычи средств пропитания, безделью или разным досуговым занятиям. Здесь вновь прослеживается характерный палеолитический ритм: день-два на ногах – день-два отдыха, бесцельно проведенные на стоянке. Основной производительной деятельностью бушменов является сбор пищи, однако Ли указывает, что «большую часть времени (4–5 дней в неделю) люди тратят на другие занятия – отдых на своей стоянке или посещение других стоянок» (Lee, 1969: 74):

За один день женщина собирает достаточно еды, чтобы прокормить свою семью в течение трех дней, а остальное время проводит, отдыхая на стоянке, занимаясь шитьем, посещая другие стоянки или развлекая гостей с других стоянок. В течение каждого дня, проведенного дома, кухонные хлопоты, такие как приготовление пищи, колка орехов, сбор дров и доставка воды, занимают у нее от одного до трех часов. Этот ритм размеренной работы и размеренного отдыха сохраняется на протяжении всего года. Охотники, как правило, работают чаще, чем женщины, но с неравномерным графиком. Вполне типична ситуация, когда мужчина охотится с воодушевлением в течение недели, а затем две или три недели не охотится совсем. Поскольку охота – занятие непредсказуемое и зависящее от магических манипуляций, у охотников иногда случается полоса неудач, и они прекращают охоту на месяц или дольше. В эти промежутки мужчины в основном ходят в гости, развлекаются и в особенности предаются танцам (Lee, 1968: 37).

Энергетическая ценность пищи, необходимая для поддержания жизнедеятельности, у бушменов добе составляет 2140 калорий на человека в день. Но с учетом фактора массы тела, обычного уровня активности и половозрастного состава этого народа Ли оценивает его пищевые потребности всего в 1975 калорий на человека. Часть излишков пищи, вероятно, отдают собакам, которые доедают за людьми. «Можно сделать вывод, что, вопреки привычным предположениям, жизнь бушменов не проходит в лишениях на грани голода» (Lee, 1969: 73).

Взятые отдельно, отчеты об аборигенах Арнемленда и бушменах обескураживают и воспринимаются как серьезная атака на устоявшиеся теоретические позиции. Первый сконструирован искусственно и потому вызывает обоснованные подозрения. Однако свидетельства экспедиции на полуостров Арнемленд во многом перекликаются с наблюдениями в других районах Австралии, а также в других регионах проживания охотников и собирателей. Для Австралии значительная часть свидетельств относится к XIX веку, причем некоторые из весьма проницательных наблюдателей делали исключения для контактов аборигенов с европейцами, поскольку «его [аборигена] запасы пищи ограничены <...> и во многих таких случаях он отстранен от источников воды, расположенных в центре лучших охотничьих угодий» (*Spencer, Gillen, 1899: 50*).

В случае хорошо обеспеченных водой юго-восточных районов Австралии ситуация гораздо яснее. В этих местах рыба водилась в изобилии и ловилась так легко, что одному поселенцу из Виктории в 1840-х годах пришлось гадать, «на что же премудрый сей народ тратил свое время, пока не явились мы и не научили их курить» (*Curr, 1965: 109*). Курение по крайней мере разрешило экономическую проблему ничегонеделанья: «С этим благоприобретенным умением <...> их дела шли своим чередом, а в свободное время они занимались двумя вещами: курили трубку и выпрашивали у меня табак». Уже в более серьезном ключе этот старый поселенец попытался оценить количество времени, которое коренные жители тогдашнего округа Порт-Филлип тратили на охоту и собирательство. Женщины отлучались со стоянки собирать еду примерно на шесть часов в день и «бесцельно растрчивали половину этого времени, слоняясь без дела в тени или у костра»; мужчины уходили на охоту вскоре после того, как женщины покидали стоянку, и возвращались примерно в одно время с ними (*Ibid. P. 118*). Как выяснил автор этих заметок, добываемая таким способом пища была «среднего качества», хотя «собирать ее было легко», а шести часов в день для этого «вполне хватало»; по сути, в этих местах «могли бы прокормиться вдвое больше чернокожих в сравнении с тем их количеством, которое мы здесь обнаружили» (*Ibid. P. 120*)²⁹. Очень похожие наблюдения принадлежат еще одному наблюдателю того времени, Клементу Ходжкинсону, который описывал аналогичную картину на северо-востоке Нового Южного Уэльса. За несколько минут там можно было наловить достаточно рыбы, чтобы накормить «всё племя» (*Hodgkinson, 1845: 223*; ср.: *Hiatt, 1965: 103–104*). «На деле чернокожие вдоль всего восточного побережья Австралии никогда не страдали от нехватки пищи настолько, насколько предполагали многие сочувствующие им авторы» (*Hodgkinson, 1845: 227*).

Однако люди, населявшие эти более плодородные части Австралии, в особенности юго-восток континента, остались за рамками сегодняшнего стереотипного представления об аборигенах. Они исчезли с лица земли в начале колонизации Австралии³⁰. Отношение европейцев к таким «черным парням» определялось борьбой за богатства континента, и в процессе колониального уничтожения европейцы особо не могли позволить себе такой роскоши, как пристальный взгляд на его обитателей³¹. В итоге этнографическому разуму в наследство достались лишь скудные остатки: в основном группы аборигенов, проживавшие во внутренних районах континента, преимущественно племена пустынных районов, прежде всего арунта. Не то чтобы

²⁹ В заметках британских поселенцев в Австралии XIX века аборигены нередко называются именно «чернокожими» (Blacks).

³⁰ То же самое произошло и с коренными жителями Тасмании, о которых Джеймс Бонвик писал: «Аборигены никогда не испытывали недостатка в пище, хотя г-жа Сомервиль в своей „Физической географии“ и осмелилась утверждать, что они были „поистине несчастны, обитая в краях со столько скудными средствами к существованию“. Доктор Жаннен, некогда занимавший должность протектора [аборигенов], сообщает: „Съестного у них, должно быть, сверх меры, и для того, чтобы прокормить себя, им не требовалось больших усилий или труда“» (*Bonwick, 1870: 14*).

³¹ См. подробнее: *Wolfe P. Settler colonialism and the transformation of anthropology: The politics and poetics of an ethnographic event*. London: Cassell, 1999; *Wolfe P. Settler colonialism and the elimination of the native // Journal of Genocide Research*. 8(4). 2006. P. 387–409.

дела у арунта шли плохо – как правило, «их жизнь отнюдь не была жалкой или слишком тяжелой» (*Spencer, Gillen, 1899: 7*)³². Однако в таких аспектах, как численность или экологическая адаптация, племена центральной части Австралии не следует считать типичными представителями ее коренных обитателей (ср.: *Meggitt, 1964*). Джон Эдвард Эйр, который пересек южное побережье Австралии, проник в глубину хребта Флиндерс и какое-то время пожил в относительно богатых окрестностях реки Муррей, оставил следующее изображение экономики аборигенов, и его вполне можно признать репрезентативным:

На большей части Новой Голландии, где нет европейских поселенцев и постоянно присутствует пресная вода на поверхности [а не только под землей], туземец круглый год не испытывает недостатка в обильной пище. Характер рациона туземцев действительно меняется в зависимости от сезона и особенностей местности, однако редко бывает, чтобы им не удавалось добыть и животную, и растительную пищу <...>. Многие из этих [основных] продуктов [питания] не просто доступны в изобилии – в высокий сезон они присутствуют в таких огромных количествах, что на значительное время обеспечивают избыток средств к существованию для многих сотен туземцев, стекающихся в какое-то место. На многих участках побережья и в крупных реках внутри материка в великом изобилии водится отменная рыба. На озере Виктория <...> я видел шесть сотен туземцев, устроивших совместную стоянку, – в этот момент все они питались выловленной здесь же рыбой, а также, вероятно, листьями мезембриантемума. Находясь среди них, я никогда не замечал на их стоянках какой-либо нужды <...>. В Морунде, когда Муррей ежегодно затапливает отмели, на поверхность выбирается столько пресноводных раков, что <...> я видел, как четыре сотни туземцев питались ими несколько недель подряд, а отбракованных хватило бы еще на четыре сотни <...>. Примерно в начале декабря из Муррея можно выловить сколько угодно рыбы <...>. Улов всего за несколько часов невероятен <...>. Еще одна особо любимая туземцами пища, которая также имеется в большом количестве в определенное время года в восточной части континента, – это особый вид мотыльков, которых они извлекают из горных пустот и впадин <...>. Любимым неисчерпаемым источником пищи для бесчисленного множества туземцев являются верхушки, листья и стебли растения, похожего на кресс-салат, которые собирают в подходящее для этого время года <...>. У туземцев есть и множество другой пищи, которая столь же обильна и ценна, как те продукты, что я перечислил (*Eyre, 1845: II, 250–254*).

И Эйр, и сэр Джордж Грей, чей оптимистичный взгляд на экономику аборигенных народов мы уже отмечали («В их хижинах я всегда обнаруживал величайшее изобилие»), оценили время – количество часов в день, – которое австралийцы занимались добычей средств пропитания (Грей включил даже жителей весьма неблагоприятных районов западной части Австралии). Свидетельства этих джентльменов-исследователей очень близко совпадают со средними показателями для Арнемленда, полученными экспедицией Маккарти и Макартур. «В любое обычное время года, – писал Грей, имея в виду сезоны, когда люди не были вынуждены сидеть в хижинах из-за непогоды, – они могут за два-три часа добыть достаточное количество еды на целый день, хотя обычно они беспечно бродят от одного места к другому, лениво собирая пищу по пути» (*Grey, 1841: II, 263*). Аналогичные свидетельства приводит Эйр: «Почти во всех

³² Положение арунта отличалось от других племен, которые жили в более глубинных районах Центрально-Австралийской пустыни, в особенности в «обычных обстоятельствах», а не во времена продолжительной засухи, когда арунта «приходилось терпеть лишения» (*Spencer, Gillen, 1899: 7*).

посещенных мною частях континента, где из-за присутствия европейцев или их скота исходные средства пропитания туземцев не сократились или не были уничтожены, я обнаруживал, что туземцы могли за *три-четыре часа* добыть столько еды, сколько им хватило бы на целый день, причем сделать это без особого труда» (*Eyre, 1845: 254–255*, курсив добавлен).

Такая же прерывистость труда – тот самый график с чередованием поиска пищи и сна, о котором сообщается в исследовании Макартур и Маккарти, – постоянно упоминается как в более ранних, так и в более поздних наблюдениях, сделанных по всей Австралии (*Eyre, 1845: II, 253–254*; свидетельства Балмера в работе *Smyth, 1878: I, 142; Mathew, 1910: 84; Spencer, Gillen, 1899: 32; Hiatt, 1965: 103–104*). Херберт Бейсдоу считал, что так вообще заведено у аборигенов: «Когда всё идет хорошо, имеется добыча и доступ к воде, абориген по возможности ничем себя не утруждает и постороннему может даже показаться лентяем» (*Basedow, 1925: 116*)³³.

Сопоставимой легкостью бытия наслаждался и африканский народ хадза – поиск пропитания отнимал у них не больше времени, чем у бушменов или австралийских аборигенов (*Woodburn, 1968*). Хадза живут неподалеку от озера Эяси [Танзания], в местах с «исключительным изобилием» животных и регулярным урожаем овощей, и их мужчины, кажется, гораздо больше интересуются азартными играми, нежели возможностью поймать дичь. Большую часть дня, особенно в продолжительный сухой сезон, они проводят за игрой – возможно, лишь для того, чтобы проиграть стрелы с металлическими наконечниками, в иное время года необходимые им для охоты на крупную дичь. Как бы то ни было, многие мужчины «совершенно не готовы или не способны охотиться на крупную дичь, даже если у них есть необходимые для этого стрелы». На крупных животных, сообщает Джеймс Вудберн, активно охотятся лишь очень немногие мужчины; тогда как женщины обычно собирают овощи более усердно, но всё равно занимаются этим без спешки и длительных усилий (ср.: *Ibid.* Р. 51, а также см. фильм: *Woodburn, 1966*). Несмотря на свое прохладное отношение к труду и ограниченную кооперацию в хозяйственных делах, хадза «тем не менее добывают достаточно пищи без больших усилий». Вудберн дает следующую «очень приблизительную оценку» потребности в рабочей силе для нужд выживания: «В среднем в течение года на добывание пищи тратится, вероятно, менее двух часов в день» (*Woodburn, 1968: 54*).

Интересно, что хадза, наученные самой жизнью, а не антропологией, отвергают неолитическую революцию ради сохранения досуга. Несмотря на то что хадза жили в окружении земледельцев, до недавнего времени они отказывались заниматься сельским хозяйством – «в основном потому, что это потребовало бы слишком много тяжелого труда»³⁴. В этом они напоминают бушменов, которые отвечают на неолитический вопрос другим вопросом: «Зачем нам что-либо сажать, если в мире так много орехов монго-монго?» (*Lee, 1968: 33*). Более того, у Вудберна действительно сложилось впечатление – правда пока неподтвержденное, – что хадза в самом деле тратят на добычу пропитания меньше энергии, а возможно, и времени, чем живущие по соседству земледельцы Восточной Африки (*Woodburn, 1968: 54*)³⁵. Если в поисках аналогичных примеров мы отправимся на другой континент, европейский наблюдатель, воз-

³³ Далее Бейсдоу объясняет праздность аборигенов переядением, которое, в свою очередь, связывает с периодическим голодом, возникающим из-за периодов засухи, негативное воздействие которых усугубляется эксплуатацией континента белым человеком.

³⁴ Эта формулировка присутствует в докладе Вудберна, который был представлен участникам симпозиума «Человек-охотник», организованного Фондом Уэннера-Грена, хотя в опубликованной по его итогам статье (*Woodburn, 1968: 54*) она воспроизводится несколько иначе. Надеюсь, с моей стороны не будет опрометчивым или неточным решением привести эту цитату здесь.

³⁵ «Земледелие в самом деле есть первое проявление рабского труда в человечестве. По библейским преданиям, первый преступник, Каин, был земледельцем» (*Лафарг, 2012 (1883): 5*). Еще один примечательный момент: соседи бушменов и хадза, занимающиеся земледелием, быстро переходят к более надежному охотничье-собираческому образу жизни, когда наступает засуха или угроза голода (*Woodburn, 1968: 54; Lee, 1968: 39–40*). [Через полвека после выхода книги Салинза хадза оказались типичным исчезающим народом. По данным СМИ, в конце 2010-х годов его численность составляла чуть более тысячи человек, из которых лишь две-три сотни вели охотничий образ жизни. – *Примеч. пер.*]

можно, найдет непреодолимую «естественную склонность» и в непостоянной экономической активности охотников Южной Америки:

Ямана не способны к постоянному каждодневному тяжелому труду – к большому огорчению европейских фермеров и нанимателей, на которых они часто работают. Они трудятся скорее урывками, хотя способны в течение определенного времени демонстрировать значительную энергию. Однако после этого у ямана появляется желание долго – непредсказуемо долго – отдыхать, и на протяжении этого времени они просто лежат, не проявляя при этом признаков сильной усталости <...>. Очевидно, что такая нерегулярность в труде приводит нанимателей-европейцев в отчаяние, но индеец ничего не может с этим поделать – это его естественная склонность (*Gusinde, 1961: 27*)³⁶.

Отношение охотника к земледелию наконец сообщает нам о некоторых особенностях их подхода к решению продовольственного вопроса. Здесь мы вновь углубляемся во внутреннюю сферу экономики – порой субъективную и всегда непростую для понимания. К тому же охотники как будто намеренно перегружают нашу способность их понимать столь странными обычаями, что мы теряемся меж двух противоположных интерпретаций: либо эти люди глупцы, либо им и правда не о чем беспокоиться. На первый вывод нас наталкивает слабая активность охотника, если учесть, что он и правда находится в весьма тяжелой экономической ситуации. Однако если охотники действительно легко добывают средства к существованию, если они привыкли рассчитывать на успех, то их кажущееся неблагоразумие может быть представлено в ином свете. Карл Поланьи, рассуждая об уникальных тенденциях рыночной экономики – о характерной для нее институционализации редкости ресурсов, – отмечал, что «наша животная зависимость от еды была возведена в ранг главенствующей, и страх голодной смерти был спущен с цепи. Наша унижительная зависимость от материального, которую человеческая культура всегда стремилась смягчить, была намеренно усилена» (*Поланьи, 2010a (1947): 42*). Но наши проблемы – не проблемы охотников и собирателей. Для их экономических механизмов, напротив, характерны первозданное благоденствие и вера в изобилие ресурсов, а не отчаяние, порождаемое разрывом средств и целей человека. Моя мысль состоит в следующем: кажущиеся странными изобретения «дикарей» становятся понятными благодаря уверенности людей в успехе своих начинаний, а эта уверенность является разумным атрибутом вполне успешной экономики³⁷.

³⁶ Это общее отвращение к продолжительному труду, которое демонстрируют представители вчерашних «первобытных народов», работая на европейцев, – отвращение, не ограничивающееся одними бывшими охотниками, – для антропологов могло бы выступить напоминанием о том, что для традиционной экономики были характерны лишь скромные и легко достижимые цели, которые допускали большую степень свободы от дел (*disengagement*), существенное «устранение от проблемы сугубой добычи средств к существованию». [Источник цитаты в оригинале не указан. – *Примеч. пер.*] Кроме того, привычная недооценка экономики охотников, вероятно, связана с тем, что она якобы не способна решать специализированные производственные задачи (см.: *Sharp, 1934–1935: 37; Radcliffe-Brown, 1948: 43; Spencer, 1959: 155, 196, 251; Lothrop, 1928: 71; Steward, 1938: 44*). Но даже если специализации нет, то вполне очевидно, что это объясняется отсутствием «рынка», а не нехваткой времени.

³⁷ В тот момент, когда буржуазная идеология редкости ресурсов стала доминирующей, неизбежно принизив достижения предшествующих культур, она отыскала человеку (по меньшей мере работающему) в его стремлении улучшить свой несчастный удел идеальную природную модель для подражания, а именно – трудолюбивого муравья. Но здесь идеология, возможно, ошибалась точно так же, как и в своем представлении об охотниках. 27 января 1971 года в газете *Ann Arbor News* вышел материал под заголовком: «Двое ученых утверждают, что муравьи довольно ленивы» (Палм-Спрингс, Калифорния). Как полагают профессора Джордж и Жанетт Уилер, «муравьи вовсе не такие, как о них рассказывают», – или не такие, какими их считают? Эта супружеская пара исследователей посвятила много лет изучению муравьев – существ, символизирующих трудолюбие в баснях. «Всякий раз, когда мы смотрим на муравейник, у нас возникает впечатление, что там совершается огромный объем деятельности, но это впечатление связано лишь с тем, что муравьев очень много и все они выглядят одинаково», – пришли к выводу Уилеры. «По отдельности муравьи тратят уйму времени на простое безделье. Хуже того, рабочие муравьи – всё это самки – тратят много времени на свой внешний вид».

Обратим внимание на то, что охотник постоянно перемещается от одной стоянки к другой. Этому кочевому образу жизни, который нередко воспринимается нами как признак стесненности, он отдается весьма непринужденно. Аборигены австралийской Виктории, как сообщает Смит, как правило, «путешествуют расслабленно. У них отсутствуют мотивы, побуждающие их перемещаться быстрее. Обычно они отправляются в путь в поздние утренние часы, а по дороге делают многочисленные остановки» (*Smyth, 1878: I, 125*, курсив добавлен). Преподобный отец Биар в своем донесении 1616 года, восторженно описав пищу, которую народ микмаков мог добывать в описываемое время года («Даже дом Соломонов не был столь хорошо обустроен и обеспечен пищей»), продолжает в том же духе:

Дабы как следует вкусить счастливой доли, наши лесные жители отправляются в путь с таким удовольствием, будто собираются празднично шататься или гулять; это удается им с легкостью благодаря умелому обращению с каноэ, невероятно удобным предметом, который <...> передвигается столь стремительно, что в хорошую погоду без каких-либо усилий можно преодолеть тридцать или сорок лиг в день; тем не менее дикари эти почти не перемещаются с такой быстротой, ибо каждый их день проходит лишь в приятном времяпрепровождении. Они никогда не спешат – полная противоположность нам, ничего не способным сделать без спешки и беспокойства <...> (*Biard, 1897: 84–85*).

Охотникам, разумеется, приходится покидать стоянки, когда поблизости иссякают запасы пищи. Но рассматривать это кочевничество просто как бегство от голода – значит видеть лишь половину картины, не обращая внимания на то, что расчеты этих людей найти более подходящее новое место обычно оправдываются. В результате их странствия не сопровождаются тревогой, а, напротив, по всем признакам напоминают пикник на Темзе.

Более серьезной проблемой являются нередкие раздраженные замечания наблюдателей о «недальновидности» охотников и собирателей. Ориентируясь на настоящее, не имея «ни малейшей мысли или заботы о том, что может принести день завтрашний» (*Spencer, Gillen, 1899: 53*), охотник как будто не желает экономить припасы, не в состоянии планировать ответ на вызовы, которые неизбежно ждут его впереди. Вместо этого он становится на путь нарочитого безразличия, которое проявляется в двух взаимодополняющих экономических склонностях.

Первая из них – расточительность: привычка съедать всё, что имеется на стоянке, даже в объективно тяжелые времена, «как будто, – цитируя слова Ле Жёна об индейцах монтанье, – дичь, на которую они пойдут охотиться, заперта в хлеву». Бейсдоу отмечает, что жизненный принцип австралийских аборигенов «можно выразить так: пока есть изобилие сегодня, не нужно заботиться о завтрашнем дне. Поэтому аборигены склонны устраивать пиршества, пуская в ход все свои припасы, вместо того чтобы растягивать их на несколько скромных трапез» (*Basedow, 1925: 116*). Ле Жён даже наблюдал, как подобная несдержанность приводит описываемых им монтанье на грань катастрофы:

Когда нам приходилось терпеть голод, случалось, что хозяин, у которого я гостил, добывал двух, трех или четырех бобров – в этом случае он немедленно, будь на дворе день или ночь, устраивал пиршество для всех дикарей, живших по соседству. А если тем удавалось что-то добыть, они тоже устраивали нечто подобное, так что, возвращаясь с одного пира, можно был попасть на другой, а иногда даже на третий и четвертый. Я говорил им, что так поступать неправильно, – лучше отложить эти пиршества на будущее, и тогда они не будут страдать от голода слишком сильно. Но они смеялись надо мной.

Завтра, утверждали они, мы добудем еще и устроим новый пир. Пусть так, но чаще их добычей были лишь холод и ветер (*Le Jeune, 1881: 281–283*).

Авторы, проявлявшие симпатии к охотникам, пытались рационализировать подобную непрактичность. Что, если голод просто лишал людей разума? – и потому они склонны объедаться до смерти, ибо слишком долго обходились без мяса, и вскоре, судя по всему, им снова придется сидеть на голодном пайке. Возможно и другое объяснение: устраивая пиршество из своих припасов, охотник действует в соответствии со строгими социальными обязательствами – важным императивом делиться с другими. Приведенный выше рассказ Ле Жёна подтверждает обе гипотезы, но не исключает и третью – самих индейцев монтанье. Они не испытывали беспокойства по поводу того, что может принести завтрашний день, поскольку считали, что завтра их ждет то же самое – «еще одно пиршество». Сколь бы ценными ни были иные интерпретации, предполагаемую расточительность охотников требуется объяснять именно подобной самоуверенностью. Более того, она должна иметь под собой и объективное обоснование, ведь если бы охотники и собиратели ставили чревоугодие выше экономического здравого смысла, они бы никогда не дожили до превращения в пророков новой религии.

Вторая, связанная с этим склонность охотников – всего лишь оборотная сторона расточительности: неспособность откладывать излишки пищи, организовывать хранение продовольствия. Многие охотники и собиратели явно не справятся с этим технически, однако нельзя с уверенностью утверждать, что они не знают о такой возможности (ср.: *Woodburn, 1968: 53*). Поэтому необходимо разобраться, что же в их ситуации препятствует подобным попыткам. Гузинде, задавшись этим вопросом применительно к яганам, обнаружил ответ всё в том же обоснованном оптимизме. Хранение пищи оказывается «излишним»,

поскольку в распоряжении мужчины-охотника и женщины-собираательницы круглый год находится почти безграничная щедрость моря, откуда они могут добывать всевозможных живых существ. Если случается шторм или какие-то непредвиденные обстоятельства, то семья лишается этих возможностей не более чем на несколько дней. Риски голода обычно никто не принимает в расчет, и каждый почти повсюду обнаруживает в изобилии то, что ему нужно. Ради чего тогда кто-то из них должен беспокоиться о будущем пропитании?! <...> По сути дела, жители Огненной Земли знают, что им не надо опасаться за будущее, поэтому они не накапливают припасы. Из года в год они могут полагаться на завтрашний день, ни о чем не беспокоясь... (*Gusinde, 1961: 336, 339*).

Это объяснение Гузинде, вероятно, подходит для описываемой им ситуации, но, судя по всему, не отличается полнотой. Похоже, в игру здесь вступает более сложный и тонкий экономический расчет, который, однако, реализуется посредством простейшей социальной арифметики. Преимущества хранения пищи следует рассматривать в сопоставлении с убывающей отдачей от добычи пропитания в пределах ограниченной территории. Au fond des choses [принципиальная проблема – *франц.*] охотников заключается в неконтролируемой тенденции к сокращению локальной несущей способности – именно этот момент выступает базовым условием их производственной деятельности и главной причиной их перемещений. Потенциальный изъян хранения пищи заключается именно в том, что здесь возникает противоречие между благополучным существованием и мобильностью. Хранение пищи привяжет группу охотников к территории, на которой вскоре исчерпаются естественные ресурсы продовольствия. Утратив мобильность из-за накопленных припасов, люди могут оказаться в менее выгодном положении в сравнении с неутомительной охотой и собирательством в каком-то другом месте, где природа, так сказать, сама создала значительные запасы пищи, причем, возможно, более разнообразные и богатые, чем может накопить человек. Однако эту тонкую калькуляцию, кото-

рую, вероятно, не удастся выразить в формулах (ср.: *Codere, 1968*), можно представить в виде куда более простой бинарной оппозиции, задаваемой такими социальными терминами, как «любовь» и «ненависть». Ведь, как отмечает Ричард Ли (*Lee, 1969: 75*), такое формально нейтральное занятие, как накопление или хранение пищи, с моральной точки зрения представляет собой «стяжательство» (*hoarding*). Эффективный охотник, который накапливает запасы, добивается успеха в этом ценой собственной репутации – либо же раздает эти запасы и платит другую цену: собственные (излишние) усилия. В итоге попытка запасти пищу может лишь снизить совокупную добычу группы охотников, поскольку те, у кого ничего нет, будут вынуждены оставаться на стоянке и питаться тем, что накопили более предусмотрительные. В таком случае хранение продовольствия технически, возможно, и осуществимо, но нежелательно экономически и недостижимо в социальном отношении.

Если практика создания запасов у охотников не распространена, то их перманентным состоянием становится экономическая уверенность, возникающая в нормальных условиях, когда все человеческие потребности легко удовлетворяются. Именно эта уверенность позволяет им играючи переживать времена, которые стали бы тяжким испытанием даже для души отца-иезуита, ввергнув его в столь сильное беспокойство, что, как и предупреждали его индейцы, он мог погрузиться в мрачные мысли:

Я видел, что страдания, которые доставляют им невзгоды и труды, они принимают с радостью <...> Когда я находился рядом с ними и нам грозили серьезные бедствия, они сказали мне: «У нас нет еды, поэтому дня два-три придется поголодать; крепись, Чихине! Пусть в душе твоей будет сила, чтобы вытерпеть страдания и невзгоды; постарайся не предаваться печали – иначе падеешь духом; смотри, как мы продолжаем смеяться, хотя у нас мало еды» (*Le Jeune, 1897: 283*; ср.: *Needham, 1954: 230*).

ПЕРЕОСМЫСЛЯ ОХОТНИКОВ И СОБИРАТЕЛЕЙ

Они испытывают постоянное давление нужды, но всё же легко удовлетворяют свои потребности, перемещаясь с места на место, так что жизнь их не лишена радостных волнений и удовольствий (*Smyth, 1878: I, 123*).

Очевидно, что экономика охотников и собирателей – как ее настоящие достижения, так и настоящие ограничения – требует переоценки. Процедурная ошибка общепринятых представлений заключается в том, что экономическая структура понимается как результат материальных обстоятельств – из абсолютной бедности охотников и собирателей делается вывод об абсолютной тяжести их жизни. Однако создание культуры всегда создает и диалектику ее отношений с природой. Культура не избегает экологических ограничений, но отрицает их таким образом, что вся система одновременно несет на себе отпечаток природных условий и специфику социальной реакции на них. Для охотников и собирателей такой реакцией становится изобилие в бедности.

Каковы реальные препятствия охоты и собирательства как *праксиса*? Уж точно не «низкая производительность труда», если имеющиеся примеры хоть что-то и значат. В то же время экономика охотников и собирателей испытывает серьезное негативное воздействие *неминуемой убывающей отдачи* (*imminence of diminishing*). Первоначальный успех появляется в добыче средств пропитания и оттуда распространяется на все остальные сектора, однако этот успех, похоже, лишь создает вероятность того, что последующие усилия принесут меньшие выгоды. Именно так выглядит типовой график, иллюстрирующий добывание пищи в определенной местности. Появление там небольшого количества людей рано или поздно приведет к

сокращению запасов продовольствия вокруг их стоянки. После этого люди смогут оставаться на месте только за счет увеличения реальных издержек или снижения реальной отдачи. Увеличение издержек произойдет в том случае, если люди будут всё время расширять зону поиска, а снижение отдачи – если они станут довольствоваться более скудным объемом или качеством пищи, которую проще добыть. Выход, разумеется, состоит в том, чтобы перебраться в другое место. Отсюда следует первое принципиальное условие возможности охоты и собирательства: для сохранения выгодных условий производства требуется перемещение.

Однако это перемещение – более-менее частое в различных обстоятельствах; на более-менее дальние расстояния – оказывается простым переносом в другие сферы производства той же убывающей отдачи, которая и спровоцировала перемещение. Сколь бы легким ни было изготовление инструментов, одежды, утвари или украшений, оно теряет смысл, когда эти предметы из удобства начинают превращаться в обузу. При приближении к пределу портативности полезность этих вещей стремительно снижается. Столь же абсурдным становится и строительство прочного жилья, если вскоре его придется покинуть. Именно отсюда возникают весьма аскетические представления охотника о материальном благосостоянии – его интерес лишь к минимальному количеству орудий (если он вообще имеется), предпочтение мелких предметов крупным, равнодушное отношение к приобретению двух или более экземпляров большинства вещей и т. п. Экологическое давление становится на редкость конкретным, когда испытываешь его на собственных плечах. Если в сравнении с другими типами экономики охотник производит мизерный валовой продукт, то виновата в этом не его производительность, а его мобильность.

Почти то же самое можно утверждать и о демографических ограничениях, характерных для охоты и собирательства. Та же самая политика *débarassment* [освобождения от нагрузки – *франц.*] действует и на уровне людей, ее можно описать в схожей терминологии и связать с аналогичными причинами. Эта терминология не подразумевает сантиментов: убывающая отдача на пределе портативности, минимум необходимого, избавление от дубликатов и т. д. – то есть инфантицид (детоубийство), сенилицид (убийство стариков), половое воздержание на период кормления грудью и т. д. – практики, хорошо известные многим народам, занимающимся собирательством. Предположение, что подобные механизмы связаны с невозможностью содержать большее количество людей, кажется верным – если «содержание» означает переселение, а не пропитание. Ликвидируют, как порой с грустью сообщают охотники, именно тех, кто, по сути, не может передвигаться самостоятельно, кто будет препятствием для перемещения семьи и стоянки. Охотники могут быть вынуждены обращаться с людьми так же, как с вещами, а безжалостная демографическая политика отражает ту же самую экологию, что и их аскетическая экономика. Более того, эти приемы сдерживания демографического роста вновь оказываются одной из составляющих более масштабной политики противодействия убывающей отдаче в области жизнеобеспечения. Локальная группа начинает испытывать негативное воздействие убывающей отдачи – следствием чего становится ускорение перемещения или дробление группы – пропорционально своему размеру (при прочих равных условиях). Если людям удастся успешно добывать пропитание на месте и сохранять материальную и социальную стабильность, это попросту означает, что их мальтузианские практики реализуются с безжалостной последовательностью. Современные охотники и собиратели, существующие в куда менее благоприятной среде, большую часть года проводят в очень небольших группах, разбросанных на значительном расстоянии друг от друга. Но эту демографическую модель лучше рассматривать как цену, которую приходится платить за хорошую жизнь, а не как признак недопроизводства и расплату за бедность.

Все преимущества охоты и собирательства являются оборотной стороной их слабостей. Периодические перемещения, ограничение достатка и населения – императивы одновременно экономической практики и творческих адаптаций, своего рода потребности, из которых воз-

никают культурные добродетели. Именно такой каркас делает возможным изобилие. Мобильность и умеренность позволяют охотникам достигать своих целей в пределах досягаемости их технических средств. В результате неразвитый (undeveloped) способ производства становится высокоэффективным. Жизнь охотника не столь сложна, как кажется со стороны. В некотором смысле экономика отражает безжалостную внешнюю среду (ecology), но в то же время оказывается ее полной противоположностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.